This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

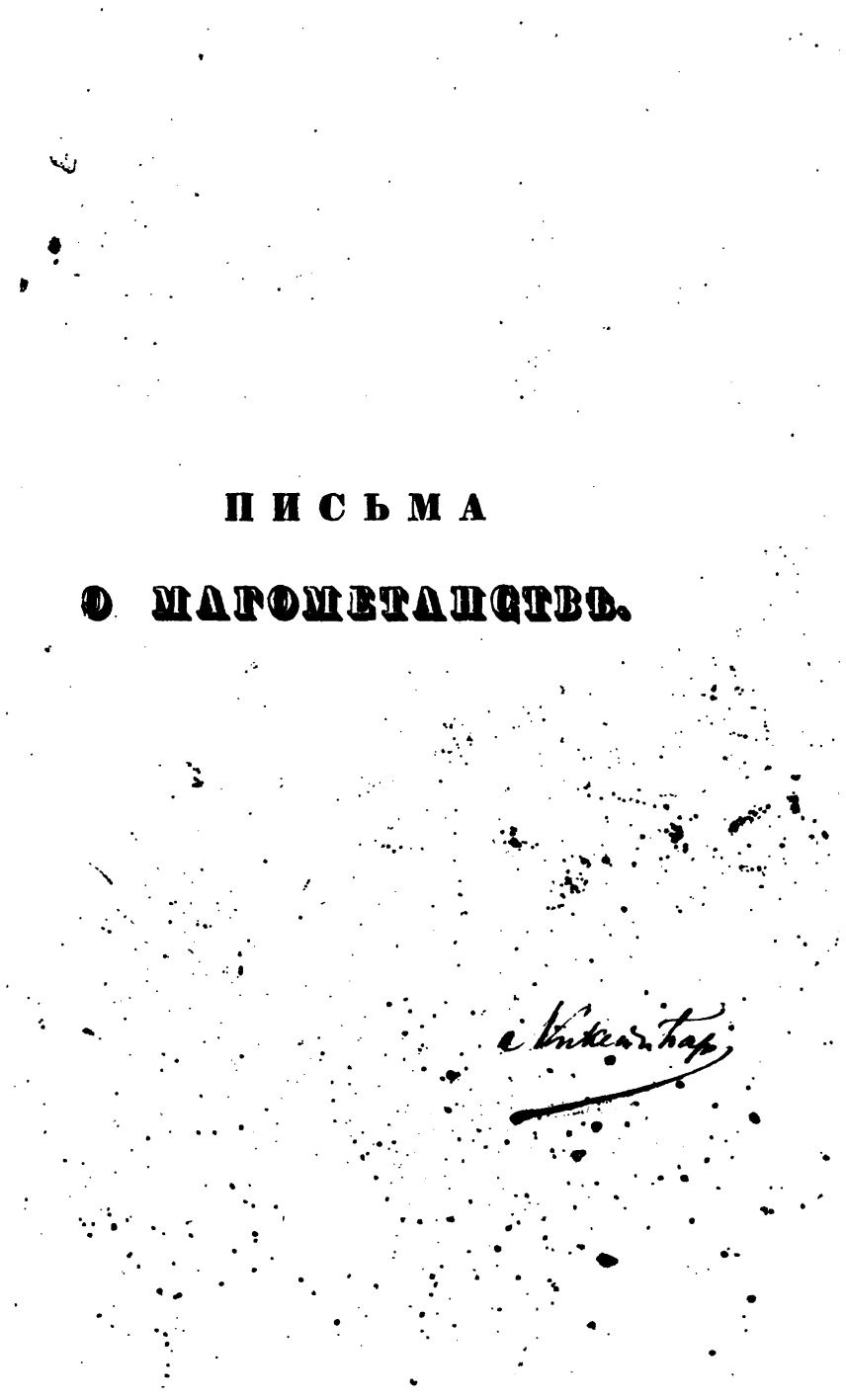
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 165 469
YC158594

ПИСЬМА

О МАГОМЕТАНСТВѢ.



Pis'ma

ПИСЬМА

о

о

magometanstvie

МАГОМЕТАНСТВѢ.

С. П. Б.

Въ типографіи III Отд. Собст. Е. И. В. Канцеляріи.

1848.

От Санктпетербургской Духовной Цензуры печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Мая 20 дня, 1848 года.

Ценсоръ Архимандритъ *Аввакумъ*.

BT1170
P5

ПИСЬМО I.

Ты такъ убѣдительно просилъ меня, любезный другъ, написать тебѣ, о превосходствѣ Христіанской вѣры надъ Магометанствомъ; ты такъ живо представилъ мнѣ затруднительное твое положеніе въ кругу Магометанъ, надъ которыми ты поставленъ начальствовать, когда между вами зайдетъ рѣчь о вѣрѣ, что я наконецъ рѣшился удовлетворить твоему желанію, но еще отлагалъ до времени исполненіе. И вотъ сегодня, только что я возвратился отъ утрени вербной, съ радостною вѣтвію пальмы въ рукахъ, ме-

191

ня встрѣтилъ въ дверяхъ посланный тобою офицеръ Татарскій и спросилъ отъ твоего имени, не будетъ ли къ тебѣ писемъ? Признаюсь, я это принялъ за указаніе свыше и, не теряя ни одной минуты, сѣлъ къ тебѣ писать. Пусть же, подумалъ я, посланецъ твой, не вѣдая самъ того, что ему ввѣрено, принесетъ тебѣ первое письмо о предметѣ, касающемся собственнаго его спасенія.

Да даруетъ Господь, хотящій всѣмъ человѣкамъ спастися и въ разумъ истины пріяти, чтобы и сіи чада Авраамовы, по Исмаилу и Агари, познали наконецъ, кто былъ во истину Сынъ Давида и Авраама, котораго сами они признаютъ за великаго Пророка! Пусть и они когда либо, подражая отрокамъ Еврейскимъ, вмѣстѣ съ нами ему воскликнутъ: «осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!» (Мат. XXI. 9.) И Онъ, которому, не смотря на его земное смиреніе, лики Ангельскіе непрестанно взываютъ: «осанна!» Онъ снизойдетъ, по непреложному своему обѣщанію, къ вопіющимъ его

во имя Господне, если только готовы принять его съ отверстымъ сердцемъ, снидетъ и сотворитъ у нихъ обитель съ Отцемъ своимъ небеснымъ! (Іоан. XIV. 23.) Въ тотъ день, какъ говорилъ онъ нѣкогда ученикамъ своимъ, на послѣдней вечери съ ними, въ тотъ день, отъ преизбытка своей радости, уже не спросятъ его ни о чемъ; (Іоан. XVI. 23.) то есть не будутъ пытливо допрашивать: дѣйствительно ли онъ Сынъ Божій? Но, получивъ въ сердце свое обильное изліяніе Духа Божія, сами почувствуютъ себя дѣтьми Божіими и постигнутъ, что одинъ только тѣсно соединившійся съ нами Богъ, могъ возвысить человѣковъ до столь блаженнаго ихъ усыновленія.

О какая минута, другъ мой, если это когда либо совершится! Боюсь только, чтобы мы Христіане, грѣхами своими, соблазняющими братій нашихъ, сами не воспрепятствовали ихъ душевной пользѣ! Будемъ молиться, чтобы Господь употребилъ, хотя и недостойныя орудія, къ ихъ спасенію; ибо онъ лучше знаетъ, какую изъ каждаго извлечь пользу. Мы же только,

съ дѣтскимъ смиреніемъ и безъ малѣйшаго превозношенія, ничего не приписывая своему мелкому разуму, выскажемъ другъ другу, что́ у насъ на сердцѣ, и я, помня слышанные отъ тебя вопросы, буду стараться, по крайнему моему разумѣнію, удовлетворять имъ, основываясь на истинахъ вѣры.

Трудную однако возложилъ ты на меня обязанность, любезный другъ, трудную не столько по существу предмета, потому что не отъ себя и не свое буду излагать тебѣ въ моихъ письмахъ, сколько въ отношеніи самихъ вопрошающихъ: ибо дѣло касается до вѣрованія близкаго ихъ сердцу, а я бы не хотѣлъ ихъ оскорбить не только словомъ, но даже непріятнымъ для нихъ помысломъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы они поняли меня и убѣдились, что одна только искренняя къ нимъ любовь побуждаетъ меня говорить имъ, вопреки собственному моему желанію, хотя совершенно согласно моимъ чувствамъ, а любовь чистая можетъ ли оскорблять? Если я стою на краю бездны и кто либо оттол-

кнетъ меня сильною рукою, могу ли я почесть наглымъ такой толчекъ? или, если кто, зная, что таится отрава въ чашѣ сладкаго вина, вырветъ ее изъ рукъ моихъ, неужели я это приму за дерзость? Если же въ случаяхъ, относящихся до спасенія временной жизни, такое предостереженіе пріемлется съ благодарностію,—можно ли негодовать на человѣка, если онъ заботится о спасеніи ближняго своего, на всю вѣчность? А когда я истинно убѣжденъ, какъ меня въ томъ увѣряетъ и Св. Писаніе: (Дѣян. IV. 12.) «что нѣтъ другаго имени подъ небесами даннаго человѣкамъ, которымъ могли бы спастися, кромѣ благословеннаго имени Господа нашего Іисуса Христа, и что предъ нимъ должно преклониться всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ:» (Филип. гл. II, ст. 10) то не лежитъ ли на мнѣ священная обязанность, и не есть ли долгъ совѣсти всякаго вѣрующаго, познакомить съ симъ спасительнымъ именемъ тѣхъ, которые въ него не вѣруютъ по своему невѣдѣнію?

Слышу, и не безъ страха, грустное су-

жденіе нѣкоторыхъ людей изъ міра образованнаго: «стыдно измѣнять вѣру отцевъ! во всякой вѣрѣ можно спастись; пусть каждый слѣдуетъ той, въ которой родился и не безчеститъ себя непостоянствомъ!» Какъ! одно и тоже быть Христіаниномъ, или Евреемъ, или Магометаниномъ? И это дерзаютъ говорить люди, запечатлѣнные именемъ Христовымъ, искупленные его кровію, пользующіеся плодами его благодатнаго воскресенія! Но развѣ одно и тоже:— вѣровать во Христа какъ въ Бога, (ибо только на этомъ необходимомъ условіи основано все наше спасеніе) или, забывъ сію основную истину, признавать Христа только за человѣка, хотя и Пророка, какъ разсуждаютъ о немъ Магометане? или еще, что даже ужасно и вымолвить, хулить его какъ Евреи, коихъ предки его распяли? Такое странное сужденіе не обличаетъ ли совершеннаго отсутствія вѣры, или совершеннаго незнанія того, во что надлежитъ вѣровать?—иначе какъ согласить, въ образованномъ умѣ, такія противорѣчія, которыя стоитъ только поста-

вить рядомъ, чтобы съ ужасомъ отъ нихъ отступить? Такимъ образомъ Христіанинъ, который говоритъ, что можно равнодушно оставаться въ законѣ Магометовомъ, безъ познанія свѣта Христова, можетъ ли по совѣсти называть себя симъ священнымъ именемъ? А тотъ изъ числа Христіанъ, кто глубоко вѣруетъ, что нельзя иначе спастися какъ сею вѣрою во Христа, можетъ ли опять по совѣсти, оставаться равнодушнымъ къ невѣрію другихъ? Не долженъ ли онъ стараться убѣдить Магометанина, не въ однихъ нравственныхъ началахъ, которыя никому не чужды, но въ самой коренной истинѣ, служащей основаніемъ для всѣхъ прочихъ, въ Божествѣ Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа!

Но какимъ образомъ? — тебѣ покажется страннымъ мой отвѣтъ: сдѣлавши его прежде искреннимъ Магометаниномъ! такъ какъ и Еврея нельзя иначе обратить къ свѣту Христову, какъ если онъ сдѣлается прежде истиннымъ Израильтяниномъ, и внимательно изслѣдуетъ все что, въ книгахъ Пророческихъ, говорится о обѣтованномъ

Мессіи, ибо: «изслѣдуйте писанія, говоритъ самъ Господь Евреямъ, онѣ свидѣтельствуютъ о мнѣ.»

И дѣйствительно такимъ образомъ видѣлъ я самъ обращеніе ученаго Раввина Еврейскаго. Что же долженъ сдѣлать въ свою очередь Магометанинъ, для своего обращенія?— изучить Коранъ и потомъ сравнить его съ истинами Ветхаго и Новаго Завѣта, изъ которыхъ почерпнулъ Магометъ свои сказанія, чтобы самому убѣдиться: вѣрно ли передано имъ то, что онъ слышалъ отъ другихъ? и уже на основаніи сего убѣжденія посудить хладнокровно: до какой степени можно давать вѣру Магомету, и въ собственныхъ его словахъ? А между тѣмъ строгое исполненіе нравственныхъ правилъ Корана, въ которомъ есть и много назидательнаго, приготовитъ человѣка, къ принятію высшихъ истинъ, нравственныхъ и догматическихъ.

Весьма бы желалъ я, чтобы письма мои дошли до слуха и до сердца тѣхъ изъ Магометанъ, которые по своему образованію сдѣлались совершенно Русскими, кромѣ

Христіанства. Ихъ духовное состояніе гораздо для меня больнѣе тѣхъ изъ ихъ собратій, которые съ безотчетнымъ чувствомъ и во глубинѣ своего невѣденія, умѣютъ только взывать: «нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ его пророкъ!» но исполняютъ однако строго его заповѣди. Если по словамъ Апостола Павла: (Римл. II. 14.) «и язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное творятъ»: то легко быть можетъ что вседѣйствующая благодать Божія, рано или поздно, пробудитъ ихъ совѣсть, а смиренное ихъ послушаніе, хотя и слѣпое, приготовитъ сердце къ скорѣйшему послушанію той свѣтлой истинѣ, безъ коей нѣтъ опасенія и которая ясно имъ предстанетъ въ день, когда Богъ, чрезъ Іисуса Христа, будетъ судить всѣ тайныя дѣла человѣческія, (Рим. VI. 16) и когда, по собственному его увѣренію, (Матѳ. XXVI. 30.) «предъ знаменіемъ его креста, восплачутся всѣ народы земные». Но тѣ, которые воспользовались плодами образованія только для того, чтобы отступить отъ собственныхъ преданій и, подъ личиною свѣтскости, равно пренебре-

гать въ обѣихъ вѣрованіяхъ то, что имъ не по вкусу и мыслямъ, тѣ которые такимъ образомъ плывутъ по бурному морю страстей, далеко отъ обоихъ береговъ, на утломъ челнѣ самонадѣянности и слѣпаго равнодушія, — какой иной пристани могутъ они достигнуть, если не преисподней? О нихъ помолимся другъ мой, къ нимъ протянемъ съ берега спасительную руку, для собственнаго нашего спасенія, и если хотя одинъ изъ нихъ обратится къ истинѣ, будетъ о немъ радость на небѣ, какъ и на землѣ, ибо по словамъ Господнимъ: «радость бываетъ на небесахъ объ одномъ грѣшникѣ покаявшемся, болѣе нежели о девяносто девяти праведныхъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи.» (Луки XV. 7.)

Тифлисъ 16 Марта
1847 года.

ПИСЬМО II.

Я обѣщалъ тебѣ, любезный другъ, продолжать мои письма о томъ же предметѣ, по возвращеніи моемъ въ сѣверную столицу, и теперь поспѣшаю исполнить мое слово, хотя не знаю какъ и когда до тебя достигнутъ сіи строки? Теперь ты въ самомъ пылу воинскихъ дѣйствій, тамъ гдѣ наиболѣе кипитъ весь фанатизмъ Магометанства, при кликахъ: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ его пророкъ!» Быть можетъ теперь будетъ кстати, объяснить тебѣ исторически: кто былъ сей пророкъ? и какимъ образомъ положилъ онъ такое огненное начало своей проповѣди, что даже, по-

слѣ двѣнадцати столѣтій, она еще сильно разгарается и всегда при звукѣ оружія? Это можетъ быть полезно не только для тебя, но и для пристрастныхъ послѣдователей сей проповѣди: потому что, не разоблачивъ предъ ними лица ихъ пророка, съ должнымъ однако уваженіемъ къ ихъ сердечнымъ чувствамъ, нельзя будетъ коснуться его ученія или Корана, чтобы раскрыть истину.

И такъ, кто былъ Магометъ? — буду отвѣчать словами болѣе скромнаго писателя Арабскаго Абулфеды, для того чтобы не увлечься высокопарными рѣчами сыновъ Востока, во славу начальника ихъ вѣры. Магометъ происходилъ отъ Авраама въ тридцатомъ поколѣніи; сіи поколѣнія столь же внимательно перечтены у Арабовъ, какъ у насъ родословіе инаго Сына Авраамова, происходящаго отъ законной жены его Сарры, а не отъ рабыни Агари, которая удалена была изъ дома Патріарха, для того чтобы по словамъ Св. Писанія: «родъ ея не имѣлъ наслѣдія съ чадами обѣтованія, рожденными отъ свободной.» (Бытія XXI. 10.) Ты

понимаешь меня, любезный другъ, что я говорю о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, въ лицѣ коего обѣщано было Богомъ благословеніе всѣмъ народамъ земнымъ, и который былъ также сынъ Авраамовъ, но не Исааку. (Бытія XXII. 18.) Замѣчательно пророчество о Исмаилѣ и его потомствѣ, въ тѣхъ же пяти книгахъ Моисеевыхъ, которымъ непремѣнно велитъ вѣрить самъ Магометъ, упоминая о нихъ многократно въ своемъ Коранѣ, и не вѣдая, что слова Моисея указываютъ на него. «Сей будетъ человѣкъ дикій; руки его на всѣхъ и руки всѣхъ на него, и предъ лицемъ всей братіи своей онъ вселится, и въ народъ великій возрастетъ.» (Бытія XVI, 12, XXI, 18). Не все ли сіе сбылось надъ дикимъ племенемъ Арабскимъ, воевавшимъ со всею вселенной, во дни Халифата и проповѣди Корана?

Магометъ происходилъ отъ славнаго племени Кореишитовъ, которымъ исключительно ввѣрено было въ Меккѣ охраненіе главнаго святилища ихъ Каабы, или дома Авраамова; дѣдъ его Эль-Моталебъ, по

тайному предчувствію будущей славы младенца, далъ ему на семейномъ пиршествѣ имя Магомета т. е. славнаго, какое не носилъ дотолѣ никто изъ членовъ его семейства. Громкое имя сіе послужило къ странному и ни на чемъ не основанному мнѣнію, у послѣдователей Корана, которое впрочемъ внушено было самимъ Магометомъ. Онъ говоритъ въ LXI главѣ своего Корана, (ст. 6.) будтобы Іисусъ, сынъ Маріи, сказалъ сынамъ Израилевымъ: «я посланъ отъ Бога, чтобы утвердить пятикнижіе Моисея, данное вамъ прежде меня, и чтобы возвѣстить пришествіе инаго посланника послѣ меня, котораго имя будетъ Ахметъ, т. е. славный.» На чемъ же основывался Магометъ? — въ Евангеліи у Іоанна писано: что Господь, прощаясь съ своими учениками, сказалъ имъ: «и я умолю Отца моего, и инаго Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, Духъ истины.» (XIV 16). Далѣе говорилъ и о дѣйствіяхъ его: «когда же пріидетъ Утѣшитель, котораго я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, отъ Отца исходящій,

онъ будетъ свидѣтельствовать обо мнѣ.» (XV. 26.) Какое же отношеніе могъ найти Магометъ, между симъ обѣщаніемъ нашего Спасителя и его посольствомъ? — вотъ какое: на Греческомъ языкѣ Утѣшитель выражается словомъ: *Параклитосъ*, а славный: *Периклитосъ*, и симъ созвучіемъ воспользовался новый законодатель, чтобы къ себѣ отнести пророчество.

Добросовѣстно ли это?—объ этомъ предоставляю судить его послѣдователямъ, ибо Евангеліе и Коранъ предъ ними, и главы и стихи мною указаны; впрочемъ истина обнаружилась въ самыхъ дѣйствіяхъ обѣщаннаго посланника. Господь прямо указывалъ, что Утѣшитель засвидѣтельствуетъ о немъ то же, что и самъ онъ о себѣ свидѣтельствовалъ, т. е. что онъ истинный Сынъ Божій, равный Отцу, и это запечатлѣлъ Апостоламъ Духъ Святый, обильно на нихъ излившійся; а тотъ, который неправильно примѣнилъ къ себѣ слова Христовы, не воздалъ и ему надлежащей славы, ибо не былъ самъ просвѣщенъ Духомъ истины, безъ котораго никто не можетъ

познать Сына Божія и чрезъ него пріити къ его небесному Отцу. (Іоанн. XIV. 6.

Теперь обращаюсь опять къ жизни Магометовой. Чрезъ нѣсколько дней послѣ рожденія лишился онъ отца и былъ воспитанъ кормилицею своею въ пустынѣ. Тамъ, по сказаніямъ Арабскимъ, однажды два человѣка, въ бѣлыхъ одеждахъ, повергли на землю младенца и раскрыли ему грудь, чтобы вложить въ нее нѣчто небесное. Испуганная кормилица поспѣшила возвратить шестилѣтняго питомца матери, которая вскорѣ скончалась и онъ остался на рукахъ столѣтняго своего дѣда до его смерти. Дядя Абуталебъ замѣнилъ ему родителей; но все наслѣдіе Магомета, сына Абдаллы, состояло въ пяти верблюдахъ и одной Эѳіопской рабынѣ. Абуталебъ, занимаясь самъ торговлею, старался передать опытность свою юному племяннику, и потому бралъ его съ собою въ дальнія странствованія съ караванами по Сиріи. Магомету было 13 лѣтъ, но разумъ его далеко превосходилъ возрастъ, и необычайныя способности, соединенныя съ прекрасною наружностію,

возвѣщали въ немъ нѣкое необычайное предназначеніе. Это невольно поразило настоятеля одной Христіанской обители, въ окрестностяхъ Бостры, гдѣ искали себѣ гостепріимства путешественники; Абуталебу предсказалъ инокъ будущую славу его племянника, предупреждая его противъ козней Іудейскихъ и внушая блюсти его жизнь.

Предсказаніе возбудило духъ юнаго Кореишита, уже готовый на все великое. Образъ жизни его въ домѣ Абуталеба, охранителя Каабы, открытомъ для всѣхъ князей Арабскихъ, приготовилъ его къ будущему народному поприщу, и отрокомъ уже заслужилъ онъ общую довѣренность. Это обнаружилось при обновленіи храма Каабы. Всѣ колѣна Арабскія участвовали въ общемъ дѣлѣ благочестія, и потому каждое хотѣло имѣть ту исключительную почесть, чтобы поставить на прежнее мѣсто, внутри святилища, черный камень, который по преданіямъ Арабскимъ, принесенъ былъ Архангеломъ Гавріиломъ первымъ строителямъ Каабы, Аврааму и

Исмаилу. Предоставили наконецъ, съ общаго согласія, рѣшить споръ сей первому, кто взойдетъ въ храмъ, и по случаю взошелъ Магометъ; онъ присудилъ положить священный камень на коверъ, который должны были поднять за края, по одному человѣку изъ каждаго колѣна, а самъ взявши съ ковра камень поставилъ его на мѣсто. Такимъ образомъ Магомету, въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, уступлено было важнѣйшее дѣйствіе между его единоплеменниками, что послужило также предзнаменованіемъ будущей его славы.

Ему минуло двадцать пять лѣтъ, когда богатая вдова, изъ того же знаменитаго рода Кореишитовъ, довѣрила ему сперва свои караваны, а потомъ собственную участь, избравъ его своимъ супругомъ; не смотря на разность лѣтъ, потому что Кадижѣ было уже сорокъ, бракъ сей увѣнчался счастіемъ семейнымъ; до самой своей кончины она была единственною супругою Магомета и почитается у его послѣдователей одною изъ четырехъ женъ, особенно прославленныхъ и любимыхъ Бо-

гомъ. Ты спросишь, кто же прочія три? — это единственная дочь Магомета отъ Кадижы, по имени Фатима, выданная имъ за Алія, (прочія его дѣти скончались въ малолѣтствѣ) и еще преблагословенная Марія, признаваемая имъ дѣвою и при рожденіи Господа Іисуса Христа, по свидѣтельству Корана. (Гл. III. XXI.) Странное, и самолюбивое сближеніе! Кто же четвертая? — ты самъ удивишься: безъименная жена Фараона, при коемъ родился Моисей! Почему же удостоилась она такой почести? трудно рѣшить: это одно изъ произвольныхъ преданій воображенія Арабскаго. Можетъ быть, по ебивчивому преданію, почесть сія досталась женѣ Фараона, вмѣсто дочери, которая спасла и воспитала Моисея. Послѣ брака Магометова, на пятнадцать лѣтъ совершенно умолкаетъ о немъ исторія, до сорока-лѣтняго его возраста, и все сіе время покрыто мракомъ неизвѣстности, который проясняетъ одно только слово Абулфеды: «Богъ внушилъ ему любовь къ уединенію и всякое лѣто проводилъ онъ мѣсяцъ въ пещерѣ, на горѣ Хара.»

Здѣсь, въ глубокой тишинѣ, созрѣло то, что давно таилось въ его умѣ и пламенномъ сердцѣ. Прежде нежели убѣждать другихъ, вѣроятно самъ онъ старался убѣдить себя въ своемъ посольствѣ, ибо первоначальная его цѣль была благая: истребить идолослуженіе въ своемъ народѣ и привести его къ познанію истиннаго Бога, сокрушивъ кумиры, окружавшіе священное зданіе Каабы. Но вотъ въ чемъ погрѣшилъ новый законодатель: онъ пожелалъ создать собственную систему вѣры, по чувству ли превозношенія, которое вовлекало нѣкоторыхъ, даже изъ числа Христіанъ, въ подобныя заблужденія, или по невѣдѣнію настоящихъ источниковъ ученія Христіанскаго, т. е. священнаго Писанія. Трудно согласить грубыя ошибки и присказки, часто встрѣчающіяся въ Коранѣ и выдаваемыя за самый текстъ Библіи, съ неоднократнымъ увѣреніемъ, въ томъ же Коранѣ, о божественности книгъ Моисеевыхъ, и Евангелія. Не думаю, чтобы Магометъ хотѣлъ умышленно исказить тексты Св. Писанія, особенно тѣ, которые вовсе не

имѣли для него важности догматической; я уже показалъ, какъ онъ измѣнилъ нѣкоторые въ свою пользу. Вѣроятнѣе то, что онъ не имѣлъ случая основательно изучить божественныя книги, а только слышалъ многое изъ нихъ, находясь безпрестанно, во время своихъ путешествій, между Христіанами и Евреями, которые даже жили посреди колѣнъ Арабскихъ. Потомъ, когда уединился съ такою таинственностію, чтобы создать новую вѣру, и для большаго впечатлѣнія внушалъ всѣмъ, будто вовсе не знаетъ граматы, онъ изложилъ въ своемъ Коранѣ, только тѣ изъ преданій Ветхаго и Новаго Завѣта, которыя сохранились въ его памяти, въ томъ видѣ какъ онъ ихъ слышалъ, или какъ онѣ образовались у него, въ теченіе многихъ лѣтъ. Посему и является, промежду безчисленныхъ повтореній однѣхъ и тѣхъ же сказаній, о Авраамѣ, Ноѣ, Моисеѣ и прочихъ Патріархахъ и Пророкахъ, такое странное несогласіе съ Св. Писаніемъ. Особенно когда дѣло доходитъ до Господа Іисуса Христа, видно совершенное неразумѣніе

спасительнаго догмата нашего искупленія; а между тѣмъ сверхъестественное рожденіе его отъ Дѣвы Марія и благовѣстіе Ангела, высказано почти словами Евангельскими. Часто говорится въ Коранѣ о чудесахъ Господнихъ, но для чего? непонятно, когда по словамъ Магомета Христосъ не свыше человѣка и его ученіе еще должно быть запечатлѣно свидѣтельствомъ инаго пророка, т. е. самаго Магомета. Такъ можетъ заблуждаться умъ человѣческій, если онъ ищетъ своего, а не Божіяго.

Первое явленіе Магомета, для проповѣди его Корана, весьма торжественно у писателей Арабскихъ. По обычаю удалился онъ въ пещеру горную и тамъ, посреди мрака ночнаго, предсталъ ему Архангелъ Гавріилъ и сказалъ: «читай!» — «Не умѣю читать» отвѣтствовалъ новый пророкъ. «Читай, воскликнулъ Ангелъ, во имя Бога Творца, создавшаго человѣка; читай во имя поклоняемаго, научившаго человѣка владѣть перомъ: онъ пролилъ въ душу его лучь вѣдѣнія». (Коранъ XCVI.) Ма-

гометъ, повторяя стихи сіи, подвигался на середину горы, и услышалъ опять голосъ: «о Магометъ, ты посланникъ Божій, а я Гавріилъ!» Съ сими словами изчезло предъ нимъ явленіе. Что сказать намъ Христіанамъ о семъ новомъ посольствѣ, засвидѣтельствованномъ только самимъ посланнымъ и никогда никѣмъ не предсказаннемъ міру?—Не таково было благодатное явленіе Господа нашего на Іорданѣ, предреченнаго и ожидаемаго отъ начала міра, засвидѣтельствованнаго рядомъ Пророковъ, за нѣсколько столѣтій, и послѣднимъ изъ нихъ Іоанномъ Предтечею, въ самую минуту своего пришествія; ибо онъ прямо на него указываетъ цѣлому народу, говоря: «Се агнецъ Божій, вземлий грѣхи міра». (Іоан. I. 36.) И какое странное было бы противурѣчіе, когда бы Архангелъ Гавріилъ, явившійся Пречистой Дѣвѣ Маріи, чтобы возвѣстить ей воплощеніе Слова Божія, которое было исполненіемъ закона и Пророковъ, явился бы опять чтобы воздвигнуть новаго пророка, который воспрекословитъ ученію Христову!

Прежде всѣхъ увѣровала въ посольство

мужа своего, Кадижа, его супруга, и приняла Исламъ, т. е. посвященіе Богу. Вслѣдъ за нею, юный племянникъ Магомета, Али, и пріемышь его Саидъ, взятый имъ изъ рабовъ и освобожденный ради исламизма: и такъ обращеніе началось въ нѣдрахъ его семейства. Абу-бекръ, богатѣйшій изъ гражданъ Мекки, первый принялъ ученіе Магомета, изъ числа чуждыхъ его семейству, и самъ убѣдилъ въ истинѣ его посольства еще девять изъ самыхъ почетныхъ гражданъ. Это было великимъ торжествомъ для Магомета, и онъ праздновалъ сіе событіе роскошною вечерію, данною всему обширному родству дяди своего Абуталеба. Но когда сталъ проповѣдывать самъ о себѣ, по окончаніи вечери, никто не хотѣлъ ему вѣрить; одинъ только пламенный Али воскликнулъ на вопросъ его: «кто хочетъ быть моимъ братомъ, намѣстникомъ, Халифомъ?» — «Я, о пророкъ!» и былъ нареченъ отъ него Халифомъ.

Племя Кореишитовъ, раздраженное противъ новаго ученія одного изъ своихъ сочленовъ, который громко укорялъ ихъ въ

идолопоклонствѣ, обратилось къ дядѣ его, Абу-талебу, чтобы онъ заставилъ молчать племянника: но Магометъ отвѣчалъ ему: «если бы Кореишиты вооружили противъ меня солнце и луну, одно одесную, другую ошуюю, и тогда бы я остался неколебимъ». Однако онъ принужденъ былъ удалиться въ близь лежавшій горный замокъ, потому что всѣ его приверженцы осуждены были на изгнаніе и многіе бѣжали въ Абиссинію. Вліяніе Абу-талеба спасло самаго проповѣдника, хотя и не раздѣлялъ онъ его образа мыслей; но и въ замкѣ Магометъ едва не сдѣлался жертвою, возбужденной противъ него ненависти своего племени. Омаръ, одинъ изъ самыхъ жестокихъ Кореишитовъ, избранъ былъ ихъ орудіемъ и уже, съ кинжаломъ въ рукахъ, шелъ умертвить отступника вѣры отцевъ. Дорогою зашелъ онъ въ домъ своей сестры: тамъ ему прочли нѣсколько стиховъ Корана и, внезапно обращенный, поспѣшилъ въ замокъ, исповѣдать вѣру свою въ ученіе новаго пророка. Писатели Арабскіе утверждаютъ, что черви источили

въ храмѣ Каабы пергаментный листъ, на коемъ написанъ былъ приговоръ противъ послѣдователей Магомета и что это послужило къ его возвращенію. Но вскорѣ кончина Абу-талеба и Кадижи лишила его опоры въ Меккѣ, и онъ принужденъ былъ удалиться изъ своей родины, гдѣ угрожала ему опасность.

Въ окрестностяхъ Мекки встрѣтилъ онъ жителей Медины, приходившихъ на поклоненіе Каабы, и силою краснорѣчія убѣдилъ ихъ въ своемъ посольствѣ, такъ какъ они сами, обитая по сосѣдству съ двумя колѣнами Евреевъ, много уже отъ нихъ слышали о Мессіи завоевателѣ; потомъ приготовили они своихъ согражданъ къ принятію новаго пророка. Между тѣмъ въ Меккѣ самъ Магометъ поколебалъ довѣренность многихъ, страннымъ расказомъ, о своемъ ночномъ путешествіи до седьмаго неба, изъ храма Іерусалимскаго, на огненной кобылицѣ Эль-боракъ. Неумѣстное превозношеніе Магомета, будто бы бесѣдовавшаго съ Адамомъ, Авраамомъ, Моисеемъ, Аарономъ и самимъ Господомъ Іисусомъ, возбудило общее

негодованіе; Абубекръ долженъ былъ клятвенно засвидѣтельствовать истину видѣнія, чтобы успокоить волненіе умовъ. Жители Медины воспользовались затруднительнымъ его положеніемъ въ Меккѣ, чтобы торжественно пригласить къ себѣ. Магометъ, увѣренный въ преданности новыхъ своихъ приверженцевъ, отправилъ къ нимъ свое семейство, а самъ рѣшился еще разъ возвратиться въ Мекку, съ двумя только ему вѣрными Абубекромъ и Али. Еще однажды покусились умертвить его Кореишиты; узнавъ о заговорѣ, Магометъ облекъ своею одеждою смѣлаго Али и самъ бѣжалъ ночью изъ Мекки; убійцы, не найдя желанной жертвы, пощадили юношу и погнались вслѣдъ за ненавистнымъ проповѣдникомъ. Чудо спасло его по сказаніямъ Арабскимъ; устрашенные гонители пали съ коней своихъ къ его ногамъ; онъ успѣлъ скрыться въ Медину. Бѣгство сіе сдѣлалось началомъ лѣтосчисленія для Магометанъ, подъ извѣстнымъ именемъ Эгиры.

Первое, что устроилъ Магометъ въ новомъ своемъ отечествѣ, была мечеть при

домѣ, въ которомъ поселился, и туда стали собираться Мусульмане или, по значенію сего слова, вѣрные. Онъ старался утвердить союзъ духовнаго братства, между многочисленными своими послѣдователями въ Мединѣ, и чтобы наградить Абубекра, за его неколебимую преданность, женился на девятилѣтней его дочери Аисхи, не смотря на ея дѣтскій возрастъ. Она была всегда любимою женою пророка Арабскаго, которой довѣрялъ онъ всѣ свои тайны, и ея вліяніе доставило впослѣдствіи Халифатъ Абубекру, вопреки законныхъ правъ Алія. Но любовь къ Аисхи не препятствовала Магомету вступать постепенно въ союзъ супружескій еще съ четырнадцатью другими женами, потому что, по словамъ своихъ историковъ, онъ особенно былъ расположенъ къ женскому полу: свойство едва ли достойное законодателя духовнаго?—и какъ странно такое чувственное развитіе, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, послѣ пятнадцатилѣтняго единственнаго брака съ Кадижею, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ! Если бы продолжилась жизнь ея, быть можетъ, многожен-

ство не вошло бы въ нравы и законы Исламизма. Но до такой степени все болѣе и болѣе разгоралась чувственность Магомета, что не укрылась даже отъ его сладострастныхъ желаній жена усыновленнаго имъ Саида, и пріемышь, по расчетамъ человѣческой мудрости, добровольно уступилъ ее своему усыновителю.

Но такъ какъ невольный ропотъ возникъ въ Мединѣ, за такое кровосмѣшеніе, Магометъ искалъ оправдать себя небеснымъ разрѣшеніемъ, и внезапно внушены ему были, будто бы свыше, стихи сіи, доселѣ читаемые въ XXXIII гл. Корана: «когда ты говорилъ тому, кто былъ облагодѣтельствованъ дарами Божіими и твоими (т. е. Саиду): сохрани свою супругу и бойся Бога, ты самъ таилъ въ сердцѣ своемъ любовь, готовую обнаружиться по волѣ небесной. Ты остерегался сужденій человѣческихъ, но должно бояться только Бога. Саидъ развелся съ своею женою и мы тебя соединили съ нею, для того чтобы вѣрные имѣли свободу вступать въ бракъ съ женами усыновленныхъ ими, послѣ ихъ развода; бо-

жественная заповѣдь должна исполниться!» Что сказать, о такой кровосмѣсительной заповѣди, изобрѣтенной для личной своей прихоти? Въ послѣдствіи, когда ему еще хотѣлось умножить число своихъ женъ, онъ объявилъ, что услышалъ опять небесный голосъ: «О пророкъ! тебѣ позволено вступать въ супружество съ женами, которымъ выдашь приданое, съ рабынями которыхъ Богъ послалъ тебѣ въ руки, съ дочерьми твоихъ дядей и тетокъ, которыя бѣжали съ тобою и съ каждою вѣрною женою, которая отдастъ тебѣ свое сердце. Мы знаемъ уставы брака, нами назначенные для вѣрныхъ: но не бойся сдѣлаться виновнымъ противъ сихъ правилъ, ибо Богъ снисходителенъ и милостивъ». (Корана XXXIII ст. 49.) Такимъ образомъ Магометъ разрѣшалъ себѣ, въ качествѣ пророка, болѣе нежели другимъ: не странно ли играть такимъ образомъ вдохновеніемъ, для своихъ плотскихъ наслажденій?

Между тѣмъ Магометъ искалъ распространить, силою оружія, новое свое ученіе внѣ Медины; воины его нападали на

караваны, шедшіе въ Мекку, и самъ онъ ходилъ воевать съ нѣкоторыми изъ сосѣднихъ поколѣній Арабскихъ, принуждая ихъ покориться. Успѣхи его возбудили ревность Кореишитовъ; они выступили въ поле противъ сокрушителя ихъ отеческаго богослуженія, чтобы защитить свои караваны. На берегахъ Краснаго моря, близь кладезя Бедръ, сошлись впервые полки язычниковъ съ Мусульманскими, которые уступали имъ числомъ, но превосходили духомъ, ибо ихъ одушевлялъ самъ Магометъ. Онъ бросилъ противъ тьмы невѣрныхъ горсть праха, обѣщалъ своимъ въ помощь легіоны Ангеловъ, велѣлъ побѣдить Абубекру и побѣдилъ; пламенные стихи Корана прославили поле Бедрское, какъ первое поприще побѣды Ислама надъ язычествомъ. Алій, открывшій битву счастливымъ поединкомъ, получилъ въ супружество дочь Магометову Фатиму; пятая часть богатой добычи, была назначена Богу, пророку, его родственникамъ, сирымъ и убогимъ; двое изъ плѣнныхъ, закоснѣлые враги Магомета, казнены смертію. Абу-

Софіанъ, старшина Арабовъ языческихъ, выступилъ съ отрядомъ всадниковъ противъ Медины, чтобы отмстить за пораженіе Бедрское, и бѣжалъ при появленіи вождя Мусульманъ. Второй походъ Кореишитовъ былъ удачнѣе, и осада Медины едва не сокрушила раждающагося величія Магометова. Онъ самъ съ окровавленнымъ лицемъ, уязвленный, окруженный всѣми ужасами смерти, едва не сдѣлался жертвою враговъ; одни только чрезвычайныя усилія приверженцевъ могли спасти его въ пылу битвы. Однако Кореишиты удалились, не довершивъ послѣдняго удара, и освободившись отъ ихъ страшнаго нашествія, законодатель Арабскій продолжалъ властвовать въ Мединѣ, какъ Царь и пророкъ, въ одно и тоже время издавая постановленія духовныя и гражданскія, и смиряя оружіемъ сосѣднія колѣна Еврейскія. Тогда учредилъ онъ строгій постъ мѣсяца Рамадана, въ память ниспосланія ему Корана въ пустынѣ, и запретилъ употребленіе вина, потому что видѣлъ, во время своихъ походовъ, какимъ страшнымъ безпорядкамъ подвер-

галъ войска его сей возбуждающій напитокъ, волнуя кипящую Арабскую кровь.

Кореишиты, удаляясь отъ Медины, надмѣнно звали его, помѣриться силами опять на поле Бедрское, и Магометъ явился туда, но не нашелъ враговъ. Вскорѣ однако жители Мекки, соединившись съ другими колѣнами Арабскими и Еврейскими, подступили опять къ Мединѣ. Магометъ ожидалъ ихъ и укрѣпилъ городъ; онъ самъ работалъ съ своимъ народомъ, разсѣкая камни, чтобы выкопать ровъ вокругъ стѣнъ. Трижды ударилъ онъ молотомъ по утесу, не уступавшему усилію другихъ, и три молніи блеснули изъ-подъ руки его; по словамъ Абулъ-Феды, такъ изъяснилъ ихъ пророкъ: «первая знаменуетъ, что Богъ предаетъ моему оружію щастливую Аравію; вторая покореніе Сиріи и Запада; третія Востока.» Мужество Магомета одолѣло опять предпріимчивость его враговъ, не смотря на внутреннія смятенія въ Мединѣ. Мало по малу опустѣлъ воинскій станъ ихъ; первый примѣръ бѣгства подали Евреи, возбудившіе сію брань: для покоренія

ихъ двинулся немедленно вождь Арабовъ и осадилъ крѣпость Караидитовъ. Послѣ долгаго сопротивленія они рѣшились ввѣрить себя милосердію побѣдителя. Магометъ избралъ посредникомъ, для рѣшенія ихъ участи, одного изъ старшинъ Арабскихъ, ненавистника Евреевъ, раненаго ими во время приступа къ Мединѣ, и онъ, еще страждущій отъ язвы, произнесъ горкій приговоръ: «умертвить всѣхъ мужей, плѣнить женъ и дѣтей, и раздѣлить ихъ имущество!»—«Это приговоръ Божій! воскликнулъ пророкъ, онъ достигъ уже седьмаго неба и свыше открытъ былъ Сеиду!» и въ слѣдствіе сего, мнимо небеснаго суда, семь сотъ Евреевъ пали подъ мечемъ побѣдителя; лучшая изъ женъ ихъ досталась въ удѣлъ Магомету и сдѣлалась супругою того, кто былъ обагренъ кровію ея близкихъ: опять чувственность соединилась съ кровопролитіемъ!

Когда сравнить сіи воинскія начала проповѣди Магомета, оружіемъ распространявшаго свое ученіе по трепещущей Аравіи, съ кроткими началами проповѣди Евангель-

ской: не умилятся ли сердце каждаго, если онъ только хочетъ познать истину, видя какая разность въ начинаніяхъ?—Съ одной стороны огонь и мечь, широко пролагающіе путь Корану, который въ пламенныхъ стихахъ обѣщаетъ, будто бы свыше, оправдать каждое дѣйствіе, каждую страсть грознаго пророка Аравіи: съ другой Божественный учитель, мирно обходящій пустыни Палестинскія, «не угашая курящагося льна и не сокрушая трости надломленной» по выраженію Св. Писанія. (Матѳ. XII. 20). Онъ избираетъ учениковъ своихъ на берегахъ озера, чтобы сдѣлать изъ рыбарей ловцами человѣковъ, исцѣляетъ всякій недугъ и всякую язву въ людяхъ, и проповѣдуетъ покаяніе въ грѣхахъ, ибо приближилось небесное царствіе. Здѣсь ощутительна близость не земнаго внѣшняго царства, расширяющагося и умаляющагося, по мѣрѣ успѣха или упадка силы оружія, какъ было съ Магометовымъ, но внутренняго духовнаго и небеснаго, какое не могли создать на землѣ человѣки, а могъ только одинъ Творецъ ихъ, въ образѣ человѣческомъ. — Каково было

начало таковы и послѣдствія, и какъ Спаситель нашъ запечатлѣлъ своею кровію проповѣданное имъ ученіе, такъ и продолжалось устрояться на землѣ его небесное царство, на костяхъ мучениковъ, за него пострадавшихъ, по тому примѣру, какъ онъ самъ пострадалъ за весь родъ человѣческій. Напротивъ того ученіе законодателя Арабскаго, совершенно противное Христову, хотя онъ выдавалъ себя за предсказаннаго имъ Утѣшителя, продолжало распространяться въ духѣ своего основателя, потоками крови тѣхъ, которые не хотѣли ему покориться.

«Имѣющій уши слышати да слышитъ!» (Лук. VII. 15.) мы же обратимся опять къ дѣяніямъ Магомета. Продолженіе войны отвлекло его послѣдователей отъ поклоненія родной ихъ святыни Каабѣ, но сердце ихъ горѣло желаніемъ исполнить священный, по ихъ родовымъ понятіямъ, долгъ сей. Магометъ обѣщалъ имъ скорое исполненіе пламеннаго желанія и, уже чувствуя свою силу, двинулся къ Меккѣ, съ тысячью четырьмя стами вооруженныхъ. Семдесятъ

верблюдовъ, богато украшенныхъ, слѣдовали за нимъ, обреченные на жертву; ветхозавѣтное пролитіе крови животныхъ сохранилось въ новомъ его ученіи, такъ какъ онъ не уразумѣлъ цѣны божественной крови Искупителя, однажды и навсегда пролитой и удовлетворившей за грѣхи наши: ибо что есть всякая жертва если не образъ примиренія человѣка съ Богомъ? а Магометъ, безъ всякой цѣли, удержалъ у себя знаменіе, отринувъ исполненіе онаго. «Законъ, имѣя только тѣнь будущихъ благъ, говоритъ Апостолъ, однѣми и тѣми же жертвами, ежегодно приносимыми, никогда не можетъ сдѣлать совершенными приносящихъ; ибо невозможно чтобы кровь животныхъ уничтожала грѣхи; Христосъ же однажды принесъ себя въ жертву, и навсегда сдѣлалъ совершенными освящаемыхъ.» (Евр. X. 1. 3. 12. 14.) Въ свое время мы объ этомъ побесѣдуемъ пространнѣе.

Смутились Кореишиты, услышавъ о вооруженномъ шествіи отверженнаго ими пророка; они сами устремились къ нему на

встрѣчу и послали одного изъ старшинъ своихъ для переговоровъ. Съ изумленіемъ пересказалъ онъ своимъ, о томъ благоговѣніи, какое оказывали, предъ его глазами, новому законодателю его послѣдователи: если онъ омывалъ себѣ руки, они тщательно собирали воду сію, если плевалъ, отирали слюну, собирали каждый волосъ, нечаянно падавшій съ его головы, ибо онъ, по выраженію Абулъ-Феды, былъ какъ Богомъ посреди себѣ подобныхъ. И такъ вотъ почести божескія, оказываемыя человѣку, ревнителями единства Божія! Съ своей стороны Магометъ послалъ договариваться съ язычниками, Отмана, одного изъ своихъ близкихъ, и онъ, за смѣлость своихъ отвѣтовъ, окованъ былъ цѣпями. Раздражился и вмѣстѣ обрадовался вождь Мусульманъ, ибо это давало ему поводъ оружіемъ довершить предпринятое богомоліе; уже всѣ готовились къ битвѣ, когда испуганные Кореишиты отпустили узника и просили мира; написаны были условія. Магометъ хотѣлъ поставить во главѣ свой титулъ, посланника Божія, но представи-

тель Кореишитовъ не хотѣлъ на то согласиться, и принужденъ былъ уступить ему пророкъ. Сильно преданный ему Али упорно отказывался написать имя его, безъ громкаго титла; тогда самъ онъ, позабывъ въ сію рѣшительную минуту то, что нѣкогда исповѣдалъ Архангелу Гавріилу и потомъ во все теченіе жизни, о своемъ незнаніи граматы, взялъ перо и написалъ своею рукою, вмѣсто громкаго имени посланника Божія, болѣе скромное: «Магометъ сынъ Абдаллы». Это забвеніе сочтено было въ послѣдствіи за чудо. — Заключили десятилѣтній миръ между Мусульманами и Кореишитами, во время коего властны были всѣ колѣна держаться той или другой стороны, и Мусульманамъ позволено было ежегодно, безъ оружія, посѣщать святыя ихъ мѣста, но не болѣе какъ въ теченіе трехъ дней.

Мирный договоръ возбудилъ негодованіе Мусульманъ, ожидавшихъ завоеванія; съ трудомъ могъ убѣдить ихъ Магометъ, собственнымъ примѣромъ, исполнить священный долгъ поклоненія Каабы, и для

того чтобы ихъ утѣшить, тотчасъ по возвращеніи повелъ осаждать двѣ крѣпости Еврейскія; онѣ покорились; но третій замокъ, стоилъ ему многихъ жертвъ. Отважнѣйшіе изъ вождей, Абубекръ и Омаръ, напрасно бросались на проломъ; Магометъ ввѣрилъ знамя свое зятю Алію, котораго, по словамъ Абулъ-феды, тутъ же исцѣлилъ отъ глазной болѣзни, хотя самъ Магометъ о себѣ свидѣтельствуетъ въ Коранѣ, что безъ всякихъ чудесъ его посольство (XXIX. 49.); Али, поразивъ на стѣнѣ вождя Евреевъ, ворвался въ замокъ. Жители избѣжали смерти, но не плѣна, и опять одна изъ прекрасныхъ плѣнницъ сдѣлалась супругою пророка Арабскаго, какъ будтобы онъ положилъ себѣ постояннымъ правиломъ, угождать плоти своей, послѣ каждаго кроваваго завоеванія. Дорого однако стоило ему сіе послѣднее: сестра убитаго вождя Евреевъ, на пиршествѣ брачномъ, поднесла ему отравленнаго ягненка. При первомъ кускѣ почувствовалъ онъ отраву и успѣлъ выплюнуть; но острота яда проникла уже въ кровь и много сократила

дни его, часто возбуждая въ немъ жестокія боли. Измѣна сія еще болѣе раздражила ненависть его противъ Евреевъ. Онъ поспѣшилъ покорить всѣ ихъ отдѣльныя поколѣнія и срылъ ихъ замки.

Обогащенный добычею, исполненный славы, повелитель Мусульманъ уже началъ чувствовать свое могущество и думать, какъ Царь, о союзѣ съ окрестными властителями; къ нему возвратились бѣжавшіе нѣкогда въ Абиссинію приверженцы; онъ послалъ просить Царя Абиссинскаго, сочетать его бракомъ съ дочерью враждебнаго ему вождя Кореишитовъ, Абу-софіана, которая еще оставалась въ рукахъ царскихъ. Съ радостію исполнилъ просьбу его Царь и отпустилъ, съ богатымъ вѣномъ, невѣсту пророка. Потомъ, вырѣзавъ себѣ печать съ надписью: «Магометъ посланникъ Божій», новый законодатель отправилъ отъ себя мужей довѣренныхъ къ Царю Персовъ Хозрою и Императору Греческому Ираклію. Прогнѣвался могущественный властитель Персіи, надмѣннымъ титломъ невѣдомаго ему Араба, и разорвавъ грамоту, велѣлъ намѣстнику

своему въ щастливой Аравіи прислать къ нему связаннымъ дерзкаго самозванца. Онъ еще не зналъ силы его, и вскорѣ былъ умерщвленъ сыномъ своимъ. Писатели Арабскіе утверждаютъ, будто Магометъ угадалъ смерть Хозроя, въ самую минуту событія, и что устрашенный сею прозорливостію намѣстникъ, обратился къ его вѣрѣ. Съ большимъ вниманіемъ принялъ хитрый Ираклій грамоту вождя Арабскаго, которою приглашалъ Императора, со всемъ народомъ, покориться его ученію и вѣровать въ единаго Бога, чтобы не быть язычниками. Такъ мало понималъ Магометъ, что Христіане не менѣе и чище его признавали единство Божіе! Ираклій отпустилъ посланнаго съ богатыми дарами, не желая воздвигать новыхъ враждебныхъ сосѣдей Св. граду, только что избавленному имъ отъ ига Персовъ. Однако нѣкоторые изъ ближайшихъ властителей Арабскихъ съ презрѣніемъ отвергли посланія Магомета; другіе же покорились Исламизму.

Магометъ воспользовался миромъ, чтобы еще разъ совершить обрядъ поклоненія Ка-

абѣ, и на сей разъ не нашелъ сопротивленія; городъ опустѣлъ при его появленіи. По особенной льготѣ, которую самъ себѣ дозволилъ, вопреки всѣхъ уставовъ, онъ еще разъ вступилъ въ бракъ въ самой Меккѣ, когда еще не успѣлъ снять съ себя одежды богомольца: такъ заняты были чувственными предметами мысли его и во время благочестиваго странствія. Нѣкоторые изъ старшинъ Кореишитовъ покорились ему въ Меккѣ, въ томъ числѣ Отманъ, блюститель Каабы, и два будущіе завоеватели Сиріи и Египта, Каледъ и Амру, прославившіеся своею храбростію. Желая подчинить себѣ властителя Бостры, управлявшаго городомъ во имя Императора, Магометъ отправилъ къ нему посланника, съ предложеніемъ Исламизма; но посланный былъ убитъ на дорогѣ, и три тысячи Арабовъ вооружились, по волѣ ихъ пророка, чтобы отмстить Грекамъ за нарушеніе права народнаго, хотя нарушилъ оное Арабскій намѣстникъ.

Это было первое состязаніе Магометанства съ Христіанствомъ, и съ тѣхъ поръ

до нынѣ не угасло пламя войны. Недалеко отъ Мертваго моря, въ виду замка Карака, закипѣла первая кровавая битва; она стоила многихъ жертвъ Арабамъ и палъ ихъ военачальникъ Саидъ, усыновленный Магометомъ; но отчаянное ихъ мужество одолѣвало надъ многолюдствомъ Грековъ. Плачь, о множествѣ своихъ погибшихъ, умалилъ радость побѣды, и погребальнымъ представилось первое торжество Магомета надъ Христіанами. Новые враждебныя покушенія Кореишитовъ отвлекли опять его вниманіе къ Меккѣ. Отринувъ ходатайство тестя своего Абу-софіана, за непокорныхъ согражданъ, онъ двинулся противъ нихъ съ сильнымъ войскомъ. Во время переговоровъ, подъ стѣнами города завязался бой, и Кореишиты побѣждены были въ послѣдній разъ. Магометъ велѣлъ прекратить кровопролитіе и побѣдителемъ взошелъ въ Мекку, хотя въ смиренной одеждѣ богомольца; Али несъ предъ нимъ знамя Ислама; прямо къ Каабѣ направили они шествіе, и въ тоже мгновеніе пали, подъ рукою духовнаго вождя

Арабовъ, 360 идоловъ, окружавшіе священное зданіе Авраама. Онъ истребилъ также женскіе лики Ангеловъ, внутри Каабы, съ изображеніями Авраама и Исмаила, которые держали въ рукахъ стрѣлы судьбы; потомъ обошелъ семь разъ около храма, приложился къ черному камню Патріарха, произнесъ молитву намазъ, при кладезѣ Агари, называемомъ Земзенъ, и довершилъ обрядъ поклоненія обычнымъ омовеніемъ.

Въ тотъ же день вступилъ онъ въ храмъ Каабы, въ достоинствѣ верховнаго Имама, и произнесъ съ каѳедры установленныя молитвы; но заботясь о утвержденіи своей власти, не рѣшился Магометъ оскорблять согражданъ, и оставилъ каждому занимаемое имъ мѣсто при святилищѣ. Милостиво обошелся и съ народомъ, который ожидалъ себѣ неволи. «Какъ желаете вы чтобы я поступилъ съ вами?» спросилъ побѣдитель смятенное собраніе Кореишитовъ. «Какъ великодушный братъ» отвѣчали они, и услышали милостивое слово: «вы свободны!» Такъ поступилъ онъ и съ са-

мыми закоснѣлыми изъ прежнихъ своихъ враговъ, даже осужденными за-ранѣе на смерть, если только они сами являлись просить пощады, или другіе за нихъ ходатайствовали; весьма немногіе пострадали. Иногда противъ воли принужденъ былъ прощать Магометъ и упрекалъ друзей своихъ: зачѣмъ заблаговременно не исполнили приговора? Двѣ недѣли провелъ побѣдитель въ Меккѣ, но не хотѣлъ тамъ основаться, ибо связанъ былъ въ дѣйствіяхъ своихъ святостію мѣста, давними обычаями и свободнымъ духомъ Кореишитовъ, когда напротивъ того въ Мединѣ онъ царствовалъ и, не имѣя предъ собою Каабы, сосредоточивалъ въ себѣ благоговѣніе своихъ послѣдователей. Провозгласивъ свое ученіе, о единомъ Богѣ, и Мекку главнымъ святилищемъ своей вѣры, онъ послалъ своихъ присныхъ съ вооруженною проповѣдію, по всѣмъ предѣламъ Аравіи, чтобы вездѣ сокрушать идоловъ и привлечь къ покорности Корану.

Однако, на высшей степени своего могущества, едва не былъ совершенно уни-

чтоженъ законодатель Арабскій, возстаніемъ двухъ изъ самыхъ сильныхъ колѣнъ языческихъ. Съ двѣнадцатью тысячами войска выступилъ онъ изъ Мекки и ночью былъ окруженъ непріятелями, въ горныхъ ущеліяхъ. Войско его разсѣялось внезапнымъ страхомъ; самъ онъ остался только, съ малою горстію приспыхъ, готовыхъ пролить за него послѣднюю каплю крови. Абубекръ, Омаръ, Каледъ и Али, служили ему неодолимымъ щитомъ. Напрасно взывалъ онъ бѣгущимъ Мусульманамъ: «я Магометъ! я посланникъ Божій!» Клики его привлекали только враговъ, а не защитниковъ. Уже онъ хотѣлъ броситься съ отчаяніемъ въ толпу враговъ, чтобы тамъ найти себѣ славную смерть; но одинъ изъ его приспыхъ, Эль-Аббасъ, угадавъ его тайную мысль, удержалъ за узду его коня. «Если ты удерживаешь меня, то созови моихъ воиновъ», сказалъ ему Магометъ, и звонкій голосъ Эль-Аббаса собралъ вокругъ него нѣсколько бѣжавшихъ. Сами они устыдились своего малодушія: снова загорѣлся бой: язычники хотѣли удержать за собою

побѣду, Мусульмане изгладить позоръ свой. Магометъ, видя одушевленіе, бросилъ опять, какъ на полѣ Бедрскомъ, горсть песка противъ непріятелей, обѣщая побѣду, и враги бѣжали. Никогда не подвергался онъ такой опасности.

Неудачный приступъ къ замку, гдѣ заключился вождь язычниковъ, Малекъ, не избавилъ ихъ однако отъ ига Магометова, потому что множество плѣнныхъ и добычи, взятыхъ въ послѣдней битвѣ, принудило Малека принять новое ученіе. Примѣру его послѣдовали почти всѣ Князы различныхъ племенъ Аравіи, пораженные чрезвычайными успѣхами проповѣдника Корана. Они отправили пословъ своихъ къ нему съ дарами и были приняты въ духовный союзъ его. Одинъ только изъ нихъ, Князь Іемамскій, возмечталъ стать съ нимъ на равной степени и дерзнулъ такъ написать: «Мосейламе, посланникъ Божій, Магомету посланнику Божію, миръ! полземли да будетъ твоею и полземли мнѣ.» Но онъ отвѣчалъ ему: «Магометъ, посланникъ Божій, Мосейламѣ лжецу: земля при-

надлежитъ Богу и онъ даетъ ее въ наслѣдіе кому хочетъ.» Оружіе Каледа сокрушило горделивца. Уже совершенно покорена была Аравія; Магометъ обратилъ взоры свои на богатую Сирію и провозгласилъ священную войну противъ Грековъ. Самъ онъ и всѣ его присные сдѣлали большія пожертвованія денегъ, чтобы собрать до 30,000 войска, съ которымъ Магометъ перешелъ знойную пустыню: но онъ нигдѣ не встрѣтилъ войскъ Греческихъ и его военныя дѣйствія ограничились покореніемъ нѣсколькихъ малыхъ владѣтелей Христіанскихъ, въ окрестностяхъ Краснаго моря. Вторичное посольство къ Императору Ираклію, съ предложеніемъ исламизма, окончилось одними словами.

По мѣрѣ усиленія могущества законодателя, строже становились уставы его противъ идолопоклонниковъ. Уже никто изъ нихъ, подъ опасеніемъ смертной казни, не смѣлъ приближаться къ святилищу Каабы. Самыя закоснѣлыя и отдаленныя изъ поколѣній Арабскихъ толпами притекали, покориться ученію Корана. Князья и

Цари ихъ падали къ ногамъ пророка, который управлялъ всею Аравіею, какъ бы по непрестаннымъ внушеніямъ свыше. Счастливая Аравія послѣдняя приняла проповѣдь изъ устъ Алія; но одно колѣно Христіанскихъ Арабовъ, Назранъ, сохранило вѣру отцевъ и предпочло дань измѣнѣ Евангелію. Еще однажды и въ послѣдній разъ предпринялъ Магометъ поклоненіе Каабѣ и совершилъ оное съ большею торжественностію, какъ бы предчувствуя свою кончину: потому и называется оно до нынѣ странствіемъ прощанія у Мусульманъ. Съ вершины одной изъ окрестныхъ горъ, проповѣдалъ еще разъ Магометъ единство Божіе, во всеуслышаніе народу, и объяснилъ таинственный смыслъ внѣшнихъ обрядовъ, которые самъ исполнилъ около дома Авраамова: онъ обрѣзалъ себѣ волосы, освободилъ 63 раба, зарѣзалъ собственноручно столько же овецъ, по числу лѣтъ своей жизни, и роздалъ ихъ въ пищу своимъ вѣрнымъ. Тогда, по словамъ писателей Арабскихъ, услышалъ онъ слѣдующія слова съ неба, записанныя имъ въ Коранѣ, отъ звука ко-

ихъ будто бы пала подъ нимъ его верблюдица: «нынѣ положилъ я печать твоей вѣры и исполнилась милость моя надъ тобою, ибо мнѣ угодно было дать тебѣ исламъ.» (Корана. V.)

По возвращеніи въ Медину, когда всѣ мысли законодателя Арабскаго заняты были покореніемъ имперіи Греческой, постигла его неумолимая гостья рода смертныхъ. Первый припадокъ болѣзни почувствовалъ онъ, будучи у одной изъ своихъ женъ, которыхъ посѣщалъ по очередно, и просилъ чтобы ему позволено было провести все время недуга, въ покояхъ болѣе любимой Аисхи, дочери Абубекра. «О Аисха, говорилъ онъ, съ тѣхъ поръ, какъ я отвѣдалъ ядовитый кусокъ въ Хаибарѣ, не переставалъ я чувствовать его пагубныя послѣдствія; теперь же ядъ терзаетъ мою внутренность и раздираетъ жилы сердца.» Но не смотря на то, посреди самыхъ сильныхъ мученій, Магометъ только и мечталъ о войнѣ съ Греками, чтобы отмстить за смерть усыновленнаго имъ Саида. Онъ призвалъ юнаго сына его къ смертному одру своему и, не

смотря на незрѣлый возрастъ, довѣрилъ ему войско, въ той надеждѣ, что никто лучше сына не отмститъ за отца. Самъ онъ, охладѣвшею рукою, вручилъ ему знамя Исламово и твердымъ голосомъ сказалъ: «вооружись за дѣло Божіе, веди мужественно святую войну, лезвіемъ меча сотри язычниковъ.»

Когда видишь начальника нашей вѣры Господа Іисуса, съ высоты креста, къ которому пригвоздила его ненависть враговъ, молящимся о отпущеніи имъ грѣха сего, и когда, въ противуположность столь милосердому дѣйствію, слышишь, что законодатель Арабскій, заболѣвшій въ слѣдствіе отравы, въ объятіяхъ женъ, возбуждаетъ юношу пролить кровь тысячи невинныхъ, за смерть отца, и называетъ дѣло это Божіимъ: — не возникнетъ ли тутъ въ сердцѣ невольный вопросъ: Божіе ли дѣло вся его проповѣдь? Не видимое ли тутъ исполненіе пророчествъ Св. Писанія, о духѣ имѣющемъ явиться въ мірѣ, не о Духѣ Утѣшителѣ, низшедшемъ тотчасъ по вознесеніи Господа Іисуса Христа, но о духѣ Ан-

тихристовомъ, совершенно противномъ его небесному ученію? Между тѣмъ, ослѣпленные земною славою своего пророка, не находятъ ничего неприличнаго въ сихъ предсмертныхъ его дѣйствіяхъ, когда напротивъ высокое смиреніе Божественнаго Страдальца на крестѣ, кажется имъ до того унизительнымъ, что признавая вмѣстѣ съ нами его чудное рожденіе отъ Дѣвы и славное вознесеніе, они почитаютъ призракомъ его крестъ, которымъ будто бы обмануты были Іудеи; такъ объяснились слова Апостола: «что слово о крестѣ для погибающихъ есть безуміе, а для спасаемыхъ сила Божія.» (1 Коринѳ. 1, 18).

Болѣе достойнымъ законодателя духовнаго было то, что и въ послѣдніе дни своей жизни, при совершенномъ оскудѣніи силъ, онъ велѣлъ водить себя въ мечеть, и однажды, взойдя на каѳедру и возгласивъ хвалу единому Богу, спрашивалъ всѣхъ вѣрныхъ своихъ Мусульманъ: «не оскорбилъ ли кого либо изъ нихъ, и не имѣетъ ли кто противъ него тяжбы или неудовольствія? ибо каждаго готовъ онъ

удовлетворить деньгами и даже лично, перенесеніемъ всякой обиды.» Но и тутъ, послѣдними словами сей умилительной рѣчи, была заповѣдь: «изгнать силою оружія всѣхъ язычниковъ изъ Аравіи и проклятіе на Іудеевъ.» Магометъ уже не могъ двигаться съ болѣзненнаго одра своего, но еще не преставалъ увѣрять присныхъ въ непрестанныхъ видѣніяхъ Ангеловъ. Однажды только измѣнили ему нравственныя силы и онъ воскликнулъ, по свидѣтельству Абулъ-Феды: «принесите хартіи и чернила, чтобы я написалъ вамъ книгу, которая не допуститъ васъ, когда либо возвратиться къ заблужденію!» Смутились его приближенные: «что говоритъ пророкъ? спрашивали они другъ у друга, развѣ нѣтъ у насъ Корана? какой иной книги еще хочетъ?» Началось жаркое преніе при самомъ одрѣ болящаго, и шумъ голосовъ вызвалъ его изъ забытья: «удалитесь, сказалъ онъ, непріилично спорить предъ пророкомъ!» Съ тѣхъ поръ, чувствуя свое разслабленіе, запретилъ допускать къ себѣ посѣтителей и друзей. Одна преданная ему Аисха имѣла право

при немъ оставаться, ибо онъ былъ увѣренъ въ ея скромности и отъ нее услышали всѣ Мусульмане чудные разсказы, о послѣднихъ минутахъ ихъ пророка и о подобострастіи, съ какимъ будто-бы Архангелъ Гавріилъ приходилъ къ дверямъ его, испрашивать позволенія для Ангела смерти, взойти, говоря: «что Богъ желаетъ пламенно его присутствія на небѣ, и что собственныя его, Ангельскія стопы, болѣе никогда не коснутся земли послѣ удаленія пророка.» Ангелъ же смерти приступилъ и, только съ согласія пророка, принялъ его душу.

Общее уныніе овладѣло Мусульманами, когда распространилась горькая вѣсть о смерти Магомета; никто не хотѣлъ ей вѣрить; свирѣпый Омаръ грозилъ умертвить всякаго, кто только дерзнетъ говорить, что пророкъ умеръ, когда онъ только подобно Моисею, на сорокъ дней отошелъ къ Господу. Такое отчаяніе понятно, когда ожидали чего либо сверхъестественнаго отъ человѣка, почитаемаго столь близкимъ къ Богу. И ученики Іисуса Христа раз-

сѣялись въ ужасѣ, при распятіи ихъ Господа, и они печально говорили на пути явившемуся имъ, невѣдомому спутнику: «мы же надѣялись, что Онъ есть хотящій избавить Израиля, но вотъ послѣ всѣхъ сихъ событій третій уже день насталъ.» (Луки XXVI 25, 26.) Но что отвѣчалъ имъ Божественный спутникъ? «о несмысленные и медленные сердцемъ вѣровать во все что говорили Пророки! не такъ ли подобало пострадать Христу, чтобы взойти въ славу свою?» — Когда же они познали въ немъ воскресшаго Господа, исполнилось божественною радостію ихъ сердце, и съ сею вѣстію спѣшили они къ прочимъ Апостоламъ, которыхъ вскорѣ утѣшилъ самъ воскресшій своимъ явленіемъ. «Смерть! гдѣ твое жало? адъ! гдѣ твоя побѣда?» (Коринѳ. XV. 55) могли дѣйствительно воскликнуть Апостолы во услышаніе вселенной, не только видя, но даже осязая, такое явное исполненіе всѣхъ своихъ надеждъ, во свидѣтельство коего пролили потомъ собственную кровь свою, а не кровь ослѣпленныхъ языч-

никовъ. Тогда и глубокое таинство страданій Господа ихъ представилось имъ въ истинномъ его значеніи, ибо оно просіяло жизнію предъ ихъ глазами, для искупленія всего міра, въ лучахъ славы его воскресенія.

Но не могли имѣть такого утѣшенія послѣдователи Магомета, ибо не смотря на всѣ мнимыя явленія Ангеловъ и дозволеніе, будто-бы данное имъ Ангелу смерти, онъ умеръ какъ человѣкъ и мертвый лежалъ предъ ними, не имѣющій воскреснуть до послѣдняго общаго суда, и то на равнѣ съ прочими. Здѣсь видимы были жало смерти и побѣда ада! Тесть бездыханнаго пророка, Абубекръ, долженъ былъ удержать ярость Омара и смягчить отчаяніе народа, напомнивъ имъ собственныя слова ихъ учителя въ его Коранѣ: «Магометъ только посланникъ Божій, другіе ему предшествовали; если онъ умретъ или будетъ убитъ, оставите ли вы его ученіе?» (III. ст. 80). «Ты умрешь и они умрутъ.» (гл. XXXIII. 24.) Звучатъ ли горькія слова сіи тою жизнію, которою исполнено все Еван-

геліе, какъ одинъ утѣшительный отголосокъ торжественнаго привѣта Пасхи: «Христосъ воскресъ!» — «Если не воскресъ Христосъ, восклицаетъ Апостолъ, проникнутый жизнію сего воскресенія, то суетна вѣра ваша!» (1 Коринѳ. XV. 14.) ибо дѣйствительно, только на этомъ упованіи, основана вся наша вѣра.

Вотъ, любезный другъ, я изобразилъ тебѣ, въ краткихъ словахъ, основываясь на источникахъ Арабскихъ, всю жизнь сего Аравитянина, котораго духъ, сильнымъ порывомъ, возвысился отъ идолопоклонства къ признанію единаго Бога, но сію зарю истины затмилъ властолюбіемъ и чувственностію; онъ можетъ назваться великимъ только по успѣху, потому что создалъ Халифатъ, охватившій Азію и Африку, и доселѣ еще считаетъ до двухъ сотъ милліоновъ своихъ послѣдователей. Но временное царство его, расширявшееся и умаляющееся нынѣ, по мѣрѣ успѣха или упадка оружія Мусульманъ, совершенно противуположно небесному царству Христову, которое не отъ міра сего, и потому не будетъ имѣть

конца, какъ было предсказано Архангеломъ. (Лук. I, 33). Чтобы еще яснѣе представить тебѣ сію истину, я постараюсь раскрыть тебѣ, въ послѣдующихъ письмахъ, ученіе Корана, сравнивъ его съ Евангельскимъ, и особливо указать тѣ произвольныя отступленія, отъ подлинныхъ словъ Ветхаго и Новаго Завѣта, которыя позволялъ себѣ новый пророкъ, повелѣвая однако вѣрить книгамъ Моисеевымъ и Евангелію.

С. Петербургъ
20 Іюля
1847.

ПИСЬМО III.

Хочешь ли знать, какое высокое понятіе имѣлъ самъ Магометъ о своемъ Коранѣ? — Ты удивишься его выраженіямъ, но онѣ тамъ находятся: «Если бы люди и геніи соединились вмѣстѣ, чтобы создать нѣчто подобное Корану, они бы не произвели ничего ему равнаго, когда бы даже взаимно помогали другъ другу.» (Корана XVII. 90.) Чтобы дать еще болѣе достовѣрности сей книгѣ, въ сердцахъ своихъ послѣдователей, онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, какъ бы отъ лица Божія: «Коранъ есть откровеніе Владыки вселенной: вѣр-

ный духъ принесъ его съ неба и положилъ на твое сердце, чтобы тебѣ быть апостоломъ; онъ написанъ на чистомъ языкѣ Арабскомъ и былъ предсказанъ писаніемъ древнихъ. Не служитъ ли ему знаменіемъ то, что старцы дѣтей Израилевыхъ о немъ вѣдаютъ.» (Корана XXVI, 192—197.) Дѣйствительно это было бы знаменіемъ для Корана; но напротивъ того свѣдущіе въ Святомъ Писаніи могутъ засвидѣтельствовать, что нигдѣ, въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, не упомянуто о Коранѣ. Я уже показалъ въ предъидущемъ письмѣ, какъ неправильно относилъ къ себѣ Магометъ, сказанное Господомъ Іисусомъ, о Духѣ Святомъ утѣшителѣ, когда между тѣмъ все священное Писаніе исполнено пророчествами и знаменіями, о пришествіи Христовомъ.

Самозванный пророкъ Арабскій, нѣсколько разъ упоминаетъ въ своемъ Коранѣ, что книга сія, божественная по его словамъ, дана въ подтвержденіе и дополненіе къ Пятокнижію Моисееву и Евангелію Христову, какъ совершеннѣйшій законъ для

руководства человѣковъ. «Вѣрующіе Писаніямъ, говоритъ онъ, вѣруйте и въ то, что ниспослалъ Богъ для подтвержденія вашихъ священныхъ книгъ.» (Корана IV, 50.) «Говорите имъ: мы вѣруемъ въ книги данныя Моисею, и въ книги посланныя Пророкамъ отъ Господа, и не дѣлаемъ между ними различія.» (II, 13.) «Прежде Корана была дана книга Моисеева для руководства человѣковъ; Коранъ подтверждаетъ ее на языкѣ Арабскомъ.» (XLVI. 11). Много подобныхъ свидѣтельствъ можно бы привести изъ Корана, но умалчиваю о нихъ для краткости: слѣдственно должно было бы ожидать въ немъ повторенія тѣхъ же самыхъ истинъ и событій, какія находятся въ Святомъ Писаніи, съ нѣкоторымъ только ихъ развитіемъ или дополненіемъ. Напротивъ того, не только догматы, но и самыя произшествія, искажены въ Коранѣ, или представлены совсѣмъ въ иномъ видѣ. Чему же вѣрить? — Писанію ли, гораздо древнѣйшему Корана, которому онъ самъ велитъ вѣрить, или собственнымъ словамъ Корана, которыя опровергаютъ самое это

Писаніе, по произволу того, кто приводитъ оное себѣ во свидѣтельство? Одно только невѣдѣніе читающихъ можетъ оставить безъ вниманія невѣжество писавшаго, съ такою однако самонадѣянностію, что даже въ явномъ противурѣчіи онъ смѣло указываетъ на Св. Писаніе. Такъ напримѣръ, увѣряя, что всякая пища была дозволена Израилю, кромѣ той, въ которой будто бы, еще до закона Моисеева, отказалъ себѣ Патріархъ Іаковъ (мясо верблюжье) восклицаетъ: «принесите Пятокнижіе и читайте, если вы искренны.» (Корана III, 87.) Исполнимъ волю Магомета, раскроемъ Пятокнижіе и ничего подобнаго нигдѣ въ немъ не найдется, такъ что нельзя даже угадать, на какое мѣсто писанія хотѣлъ указать Магометъ? однако онъ не боится присовокупить вслѣдъ за симъ: «кто изобрѣтаетъ ложь на Бога, принадлежитъ къ числу нечестивыхъ.» Спрашивается, къ кому относитъ сіе страшное слово, если не къ тѣмъ, кто искажаетъ Св. Писаніе, вдохновенное свыше? Такимъ же образомъ измѣняетъ Магометъ, по своему произволу, библейскія

сказанія о всѣхъ Пророкахъ и Патріархахъ, и однако, приводя ихъ въ совершенно иномъ видѣ, присовокупляетъ, какъ бы отъ имени Божія: «Мы разсказываемъ тебѣ всѣ сіи повѣсти, о нашихъ посланникахъ, для утвержденія твоего сердца; чрезъ нихъ истина къ тебѣ сходитъ». (Корана XI. 121.) Но развѣ могутъ быть у Господа двѣ противорѣчущія другъ другу истины?

Нѣтъ нужды проходить весь Коранъ, для опроверженія безпрестанно повторяемыхъ въ немъ противорѣчій съ Св. Писаніемъ, на которое часто ссылается; достаточно взглянуть на двѣ или три первыя главы, чтобы убѣдиться въ невѣрности приводимыхъ свидѣтельствъ, если только кто хочетъ узнать истину, а не слѣпо взывать: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ его пророкъ!» Кажется однако и въ дѣлахъ человѣческихъ, не только въ дѣлѣ Божіемъ, если кто приведетъ кого либо себѣ во свидѣтели и свидѣтель сей покажетъ иное, а не то что онъ утверждалъ, то неправильно на него указавшій осуждается какъ виновный, и уже болѣе не имѣютъ къ нему

вѣры, въ послѣдующихъ показаніяхъ. Не также ли должно бы поступать и относительно Корана? Вотъ, послѣ первой великолѣпной главы его, употребляемой Магометанами при ежедневной ихъ молитвѣ, мы читаемъ въ заглавіи второй: «Корова». Что за странное титло для божественной книги и на чемъ оно основано? — Опять на невѣрномъ сказаніи о коровѣ, назначенной Моисеемъ въ жертву: тутъ приводится цѣлая бесѣда законодателя съ народомъ, весьма странная и которой вовсе нѣтъ въ Св. Писаніи; даже самая причина жертвоприношенія вымышлена въ Коранѣ. Стоитъ только заглянуть въ книгу Числъ Моисеевыхъ, (главу XIX), чтобы убѣдиться до какой степени Магометъ отступилъ отъ истины. Моисей повелѣваетъ, для очищенія нечистоты въ сынахъ Израилевыхъ, заклать юницу рыжую внѣ стана и кровью ея покропить семь разъ предъ дверьми Скиніи свидѣтельства; потомъ сжечь совершенно жертву сію, а пепелъ ее сохранять въ чистомъ мѣстѣ, для того чтобы, возливъ въ нее воду, кро-

пить ею требующихъ очищенія. Въ Коранѣ же Моисей, именемъ Божіимъ повелѣваетъ заклать корову и народъ спрашиваетъ: «не есть ли это насмѣшка?» Моисей отвѣчаетъ: «избави меня Богъ быть въ числѣ безумныхъ.» Тогда Израильтяне опять распрашиваютъ его, о годахъ, шерсти и свойствахъ сей коровы, и съ трудомъ соглашаются принести такую жертву. Наконецъ Моисей повелѣваетъ, въ возмездіе за смертоубійство, ударить мертваго однимъ изъ членовъ сей коровы, и говоритъ: «такъ воскрешаетъ Богъ мертвыхъ и творитъ чудеса предъ очами вашими». Откуда же все это почерпнуто? Позднѣйшіе истолкователи Корана, составили по сему поводу цѣлую повѣсть, основанную невѣдомо на какомъ-то преданіи: о убійствѣ богатаго Еврея, обнаруженномъ при закланіи рыжей коровы, которая пріобрѣтена была дорогою цѣною отъ юноши сироты, по предсказанію Ангела. Видно, что Магометъ почерпалъ не изъ чистаго источника Св. Писанія, но изъ какихъ либо поврежденныхъ народныхъ толковъ, у Ев-

рейскихъ поколѣній, жившихъ между Арабами и отчасти забывшихъ свою вѣру.

Однако вторая глава, произвольно ознаменованная именемъ коровы, есть одна изъ основныхъ въ Коранѣ, ибо она касается не одной только маловажной жертвы ветхозавѣтной, но въ ней, столь же безотчетно и отрывисто, упоминается о многихъ важнѣйшихъ событіяхъ Библіи; это показываетъ, въ какомъ несовершенномъ видѣ, составлена книга законодателя Арабскаго, собранная по листамъ уже послѣ его смерти, и никогда не заключавшая въ себѣ чего-либо цѣлаго, хотя она доселѣ служитъ единственнымъ закономъ, духовнымъ и гражданскимъ, для всѣхъ его послѣдователей. Она только исполнена чрезвычайной поэзіи, и это человѣческое вдохновеніе пріемлется ими за божественное. Разберемъ въ ней внимательно сотвореніе человѣка (Корана II. ст. 28—32). Господь бесѣдуетъ съ Ангелами, извѣщая ихъ, что поставитъ начальника на землѣ, и отвѣчаетъ на ихъ возраженія или лучше сказать упреки: «Я знаю то, чего вы не знаете»,

потому что Ангелы противопоставляютъ Богу будущее кровопролитіе человѣковъ, вмѣсто тѣхъ гимновъ, которые доселѣ слышалъ отъ сонма Духовъ. Послѣ того Богъ, назвавъ Адаму имена всѣхъ животныхъ, испытуетъ Ангеловъ: могутъ ли они сказать имена ихъ? и заставляетъ Адама открыть имъ сію тайну. Онъ велитъ Ангеламъ поклониться человѣку; но Иблисъ, или Сатана, отрекается по гордости, и какъ сказано въ другомъ мѣстѣ Корана, (гл. XV ст. 35—40) будучи проклятъ, проситъ себѣ пощады, до дня воскресенія человѣковъ, и говоритъ въ лице Господу, что какъ онъ его обольстилъ, такъ и самъ (т. е. діаволъ) станетъ строить козни противъ человѣковъ, исключая избранныхъ. Гдѣ могъ заимствовать Магометъ весь этотъ нелѣпый разсказъ?

Какъ величественно напротивъ того въ Библіи: Богъ совѣщается самъ съ собою, о созданіи человѣка, знаменуя тѣмъ тайну Святыя Троицы въ единствѣ существа своего, которая обнаруживается и въ самомъ дѣлѣ творенія: ибо, какъ написано въ книгѣ

Бытія Моисеевой, Богъ все созидаетъ Словомъ своимъ и Духъ Божій носится надъ бездною. Вмѣсто странной выдумки Корана, о испытаніи Ангеловъ, касательно наименованія животныхъ, Моисей, лучше постигая достоинство человѣка, созданнаго по образу Божію, говоритъ, что онъ самъ назвалъ каждое изъ нихъ по имени. Повѣсть, о грѣхопаденіи нашихъ праотцевъ въ раю, дважды повторяется, во II и VII главѣ Корана, и оба раза искажена. Магометъ расказываетъ также, о запрещеніи вкушать нѣкій плодъ, не называя древа, о соблазненіи человѣка діаволомъ, о чувствѣ наготы послѣ паденія, изгнаніи изъ рая и о будущей враждѣ между человѣкомъ и діаволомъ; но здѣсь есть отступленіе отъ истины и не постигнута пророческая сила словъ Божіихъ, о грядущемъ Искупителѣ. Въ книгѣ Моисеевой: діаволъ соблазняетъ жену, какъ слабѣйшую, и обѣщаетъ, что человѣки будутъ яко боги, если вкусятъ отъ древа познанія добра и зла. (Быт. III. 6). Въ Коранѣ же діаволъ соблазняетъ обоихъ вмѣстѣ, обѣщая имъ только,

что они будутъ Ангелами, когда нѣсколько передъ этимъ человѣкъ поставленъ у него выше Ангеловъ, ибо и діаволъ будто бы палъ отъ того, что не хотѣлъ ему поклониться, и хвалился въ лице Господа, что будетъ преслѣдовать его твореніе до послѣдняго суда. Какую же защиту противъ него имѣетъ человѣкъ и какія слѣдствія паденія его и изгнанія изъ рая? — Въ книгѣ Бытія это объяснено: смерть есть слѣдствіе грѣха, трудъ и болѣзнь ее предваряютъ; но тогда же обѣщано человѣку, что сѣмя жены, то есть тотъ, кто отъ нея родится, Господь Іисусъ Христосъ, сокрушитъ главу змія, т. е. діавола. (Бытія III. 15). У Магомета же записана только часть предсказанія, т. е. о враждѣ между человѣкомъ и діаволомъ, но онъ не понялъ радостнаго обѣщанія, о грядущемъ Искупителѣ, какъ и не могъ постигнуть: въ чемъ собственно состояло паденіе человѣка? а безъ паденія какого можно ожидать искупленія? Посему такъ чуждо ему Божественное лице Искупителя, въ образѣ человѣче-

скомъ, и онъ непрестанно вооружается противъ него въ своемъ Коранѣ.

Я указалъ на сію главную, при самомъ началѣ, погрѣшность противъ той истины Христіанства, на которой основано все послѣдующее ученіе наше. Упоминать ли о прочихъ произвольныхъ сказаніяхъ, заключающихся въ той же главѣ, вопреки подлинныхъ словъ Св. Писанія: напримѣръ о воскрешеніи Моисеемъ умершихъ (ст. 53.), о превращеніи нарушителей субботы въ обезьянъ (ст. 61) и проч.? Говорить ли о Авраамѣ, какъ онъ проситъ Бога, показать ему силу свою, воскрешеніемъ птицъ, разсѣченныхъ имъ для жертвы (ст. 252.), и подобныя же выдумки о прочихъ Патріархахъ? Всѣ преданія перемѣшаны и превращены, одно и тоже повторяется о тѣхъ же лицахъ, въ разныхъ мѣстахъ, при частыхъ ссылкахъ на Пятокнижіе Моисея, которое однако не можетъ подтвердить словъ Корана, хотя напротивъ того Магометъ упрекаетъ самихъ Евреевъ въ невѣдѣніи, и что они будто бы, а не онъ, замѣняютъ истину сказками. (ст. 73.)

Приведу еще для примѣра трогательную повѣсть Іосифа, которая извѣстна всѣмъ Христіанамъ, по книгѣ Моисеевой, и занимаетъ цѣлую XII главу въ Коранѣ, гдѣ однако во многомъ отступлено, отъ древнѣйшаго сказанія Библіи. Какъ объяснить такое измѣненіе? и какая могла быть тому причина, кромѣ невѣдѣнія и привычки къ произвольнымъ вымысламъ, тѣмъ паче, что большая часть сей повѣсти, почти слово въ слово взята Магометомъ изъ Библіи. (Бытія XXXVIII — XLVI) Начало весьма съ нею сходно, касательно сновъ Іосифа и продажи его братьями; но цѣломудріе Іосифа, въ отношеніи жены Пентефріевой, утратило все достоинство въ Коранѣ, ибо тамъ онъ уже готовъ согласиться на грѣхъ, когда внезапно его удержало нѣкое знаменіе, тѣнь отца, какъ говорятъ толкователи Корана. Пентефрій застаетъ Іосифа въ дверяхъ своей спальни и когда жена клевещетъ на Іосифа, то присные царедворца, позванные имъ на судъ, узнаютъ истину потому: спереди или сзади была изорвана одежда бѣжавшаго юно-

ши? Жена Пентефріева, чтобы оправдать себя предъ своими подругами, приглашаетъ ихъ на трапезу, за которою служитъ Іосифъ, и всѣ такъ поражены его красотою, что заглядѣвшись на юношу порѣзали себѣ пальцы; — какая сказка! Пентефрій, хотя убѣжденный въ невинности Іосифа и умолявшій его сперва, умолчать о позорѣ жены своей, потомъ, безъ всякой причины, сажаетъ его въ темницу, гдѣ, по словамъ Корана, проповѣдуетъ онъ единство Божіе и обличаетъ вѣру своихъ товарищей узниковъ.

Изъясненіе сновъ кравчаго и хлѣбодара сходно съ библейскимъ, равно какъ и истолкованіе Іосифомъ сна Фараонова; но его не зовутъ сперва предъ лице Царя, а только освобожденный кравчій служитъ между ними посредникомъ, что опять несогласно съ Библіею. Іосифъ поручаетъ сказать Фараону, чтобы онъ велѣлъ спросить у женъ Египетскихъ: зачѣмъ порѣзали онѣ себѣ пальцы, на пиршествѣ жены Пентефріевой? (вопросъ совершенно неумѣстный, ибо виною сего служила собственная его красота), и это за-

ставляетъ виновную супругу открыть истину, давно уже извѣстную ея мужу. Повѣсть о братьяхъ Іосифа, пришедшихъ покупать хлѣбъ въ Египетъ, о приказаніи имъ привести младшаго Веніамина, и о чашѣ, найденной въ его мѣшкѣ, согласна съ Моисеемъ; но и тутъ является примѣсь: Іосифъ будто бы посылаетъ съ братьями одежду свою къ отцу, чтобы онъ прозрѣлъ, наложеніемъ оной на глаза его; но еще тогда Іаковъ не былъ слѣпъ и никогда не исцѣлялся одеждою сына. Потомъ Іосифъ сажаетъ отца своего и мать, на высокія сѣдалища, и они падаютъ ницъ предъ нимъ, во исполненіе видѣннаго имъ нѣкогда сна, о поклоненіи ему солнца, луны и звѣздъ. Но этого нѣтъ въ Библіи, и это несовмѣстно было бы съ скромностію Іосифа; къ тому же извѣстно, по сказанію Моисея, что мать Іосифа, Рахиль, давно уже скончалась, при рожденіи меньшаго брата его Веніамина. Такъ, на каждомъ шагу, обличаются невѣдѣніе и вымыслы, даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, по содержанію историческому, не было причины вымышлять;

видно, что самому Магомету невѣрно переданъ расказъ Моисея, съ присказками Арабскими. Однако онъ не боится выдавать ихъ за откровеніе Божіе и Ангелъ будто бы говоритъ ему, отъ лица Господа: «о Магометъ, такова сія повѣсть, изъ числа неизвѣстныхъ, которую мы тебѣ открываемъ. Ты не присутствовалъ, когда братья Іосифа творили противъ него козни; но большая часть людей тебѣ не повѣритъ, ты не будешь просить отъ нихъ мзды за сію повѣсть, ибо это предостереженіе для всѣхъ человѣковъ. Сколько чудесъ на небѣ и на землѣ, но люди идутъ мимо и отвращаются, и примѣшиваютъ идолослуженіе къ вѣрѣ въ Бога.» (Корана XII. 103. 104).

Довольно обличеній Ветхаго Завѣта противъ вымысловъ Корана; обратимся къ Новому или Евангелію, которому онъ также велитъ вѣрить, хотя также его искажаетъ. Послѣ второй главы Корана, Корова, третія носитъ заглавіе: Семейство Имрана. Что это за имя?—Магометъ такъ вздумалъ назвать родителя Пресвятой Дѣвы, но онъ

смѣшалъ его по имени съ отцемъ Моисея, который дѣйствительно назывался Амрамомъ; имя же родителя Дѣвы было Іоакимъ. Простительна ли такая ошибка?—однако глава сія начинается весьма громко: «Богъ! нѣтъ другаго Бога, кромѣ Его, живаго, недвижимаго. Онъ послалъ тебѣ, во всякой истинѣ книгу, подтверждавшую предшествовавшія ей писанія. Онъ ниспослалъ Пятокнижіе Моисея и Евангеліе для наученія человѣковъ; онъ ниспослалъ наконецъ и сію книгу отличія.» Посмотримъ, что же скажетъ она о дочери Имрама, въ имени коего уже отклонился отъ истины пророкъ?—Начало повѣсти взято изъ такъ называемаго перваго Евангелія Іакова, которое не признано Церковію, хотя нѣкоторыя изъ содержащихся въ немъ преданій признаются достовѣрными. — Далѣе предсказаніе Ангела Захаріи, о рожденіи Іоанна, (Іагіи по тексту Корана) заимствовано изъ Евангелиста Луки; но тамъ сказано, что Захарія останется нѣмъ, доколѣ не родится у него сынъ, а у Магомета опредѣленъ только трехдневный срокъ невольно-

му безмолвію: и такъ тотъ же Архангелъ, будто бы возвѣстившій сіе Магомету, самъ себѣ противорѣчилъ? Столь же не вѣрно описано въ Коранѣ и благовѣщеніе Пречистой Дѣвѣ.

Опять Магометъ призываетъ себѣ во свидѣтельство откровеніе Божіе, и посланный будто бы ему говоритъ: «мы откроемъ тебѣ невѣдомыя тайны,» хотя уже тайна сія была возвѣщена и записана въ Евангеліи, за шесть сотъ лѣтъ до Магомета. Ангелы, а не Архангелъ Гавріилъ, по словамъ сего мнимаго новаго откровенія, сказали Дѣвѣ: (Корана III 37—42) «Богъ избралъ тебя и сдѣлалъ чуждою всякаго тлѣнія; Онъ избралъ тебя между всѣми женами во вселенной. Богъ возвѣщаетъ тебѣ Слово свое; Оно назовется Мессіею, Іисусомъ сыномъ Маріи, который славенъ будетъ въ этомъ мірѣ и иномъ, и будетъ другомъ Божіимъ; ибо онъ возглаголетъ къ людямъ, младенецъ въ колыбели и въ тоже время мужъ по возрасту, и сопричтется къ праведнымъ. — Господи, отвѣчала Марія: какъ будетъ мнѣ сіе, когда я мужа не знаю? и такъ отвѣчалъ ей

Ангелъ: Богъ творитъ, что хощетъ, Онъ рекъ: буди, и будетъ. (Это искаженіе словъ Евангелиста Луки гл. I. 35.): «Духъ Святый найдетъ на тебя и сила Вышняго осѣнитъ тебя, сего ради и рожденное отъ тебя свято наречется Сынъ Божій, ибо не изнеможетъ у Бога ни единъ глаголъ.»—Далѣе въ Коранѣ Ангелы говорятъ: «Богъ научитъ его книгѣ и премудрости, Пятокнижію и Евангелію. Інсусъ будетъ посланникомъ его предъ сынами Израилевыми; Онъ скажетъ имъ: я прихожу къ вамъ со знаменіемъ отъ Господа; я сдѣлаю изъ грязи птицу, дуну и она оживетъ; (взято изъ отверженнаго Церковію еретическаго сказанія, о дѣтствѣ Христовомъ); я исцѣлю слѣпорожденнаго и прокаженнаго, я воскрешать буду съ дозволенія Божія; я скажу вамъ, что вы съѣли, и что сохранили въ домахъ: (какая нелѣпость послѣ столь великихъ чудесъ!) Всѣ сіи дѣла будутъ служить для васъ знаменіемъ, если хотите быть вѣрными; я присланъ подтвердить Пятокнижіе, прежде меня вамъ данное и проч.» Інсусъ вскорѣ замѣтилъ невѣрность Іудеевъ и воскли-

цаетъ: «кто поможетъ мнѣ въ пути Божіемъ?—Мы, отвѣчали Апостолы, мы вѣруемъ въ Бога и въ твое посольство, впиши насъ въ число свидѣтелей» (Корана III. ст. 43—46.) И такъ отъ Апостоловъ помощь Господу, а не отъ Господа его ученикамъ!

«Іудеи, продолжаетъ Магометъ, изобрѣли много хитростей противъ Іисуса, а Богъ изобрѣлъ противъ нихъ, и конечно искуснѣе ихъ Богъ.» Но достойно ли Божества такое ратоборство? Здѣсь опять начинаетъ говорить самъ Господь, вмѣсто Магомета, ибо все перемѣшано въ Коранѣ, и лица и преданія, судя по его произвольнымъ порывамъ воображенія; слова сіи обращены ко Христу: «конечно я даю тебѣ претерпѣть смерть, и я возношу тебя къ себѣ и избавляю отъ невѣрныхъ, и ставлю тѣхъ, которые тебѣ послѣдуютъ, выше невѣрующихъ тебѣ, до дня воскресенія.» (ст. 48.) И такъ вотъ Магометъ какъ бы признаетъ здѣсь, хотя и глухо, смерть Христову прежде его вознесенія, когда на противъ того, въ другомъ мѣстѣ Корана, онъ утверждаетъ: будто подобный Христу

человѣкъ былъ распятъ вмѣсто него на крестѣ, потому что, не постигая всей высоты смиренія Христова, онъ почиталъ безчестіемъ крестъ, сдѣлавшійся славою вселенной. «Евреи, говоритъ онъ, не вѣровали въ Іисуса, они изобрѣли ужасную клевету противъ Маріи. Евреи говорятъ: мы убили Мессію, Іисуса сына Маріи, посланника Божія. Нѣтъ, они его не убили и не распяли; человѣкъ похожій на него взятъ былъ на его мѣсто и тѣ, которые о томъ спорили, сами остались въ сомнѣніи. Они не знали сего на вѣрное, а только предполагали, но они дѣйствительно его не убили. Богъ возвысилъ его къ себѣ, и Богъ могущественъ и премудръ. Не будетъ ни единаго человѣка, между вѣрующими въ Писанія, кто бы не увѣровалъ въ него прежде своей смерти; въ день воскресенія онъ (Іисусъ) будетъ свидѣтельствовать противъ нихъ.» (Корана IV. 155, 156, 157.) Дерзновенно заключаетъ Магометъ, послѣ благовѣстительныхъ словъ Ангельскихъ, о рождествѣ Христовѣ отъ Дѣвы: «Іисусъ въ глазахъ Божіихъ то же, что и Адамъ;

Богъ создалъ его изъ персти и сказалъ: будь, и онъ былъ. Это слова истины отъ самаго Господа, страшитесь сомнѣнія!» (стихи 52 и 53.)

Такъ слѣпо уничижаетъ Магометъ Божество Христово, сравнивая Господа съ Адамомъ, которому онъ дѣйствительно былъ равенъ, только по человѣчеству. Но пусть объяснитъ намъ Магометъ, для чего же столь необычайныя знаменія, при рожденіи обыкновеннаго человѣка, когда послѣ него необходимъ еще пророкъ, то есть самъ Магометъ, будто бы предвозвѣщенный? и на какомъ основаніи вѣрить ему, если онъ самъ уничтожаетъ всѣ древнѣйшія свидѣтельства о Христѣ? — Мы уже видѣли, какъ онъ покусился отнести къ себѣ, (Корана LXI. 6.) кривымъ истолкованіемъ, сказанное прямо Господомъ о Утѣшителѣ Духѣ истины. Здѣсь же, вслѣдъ за хульными словами противъ Божества Христова, столь же дерзновенно относитъ онъ къ себѣ пророчество Моисея, о грядущемъ Мессіи, приводя только отчасти слова сіи, но не показывая когда и кѣмъ они сказаны. Мо-

всей сказалъ, въ книгѣ Второзаконія, прощаясь съ народомъ Израильскимъ: «инаго Пророка возставитъ вамъ Господь, какъ и меня, того послушайте, во всемъ, что онъ ни будетъ говорить вамъ; всякая душа, которая не послушается того Пророка истребится изъ народа». (Второзак. XVIII 15—18.) И по воскресеніи Христовомъ, когда уже сбылись всѣ обѣщанныя знаменія надъ Христомъ, Апостолъ Петръ, въ книгѣ Дѣяній, (глав. III) прямо указываетъ на Христа, какъ на предсказаннаго и уже пришедшаго Пророка. Но Магометъ, черезъ 600 лѣтъ, хочетъ вступить въ права Христовы, какъ онъ присвоилъ себѣ и лице Духа Святаго, и потому говоритъ въ той же главѣ Корана: (III. 75) «когда Богъ принялъ завѣтъ Пророковъ, онъ сказалъ имъ: вотъ я даю вамъ книгу и премудрость. Придетъ однажды пророкъ утвердить принятое вами; вѣруйте ему и помогайте всею вашею властію. Согласны ли и пріемлете ли завѣтъ на семъ условіи? — Они отвѣчали, мы согласны. Будьте же свидѣтели, возразилъ Господь, я засвидѣтельствую про-

тивъ васъ, и кто послѣ сего условія захочетъ отъ него устраниться, тотъ будетъ въ числѣ погибшихъ.» — Не ужасно ли такое лжесвидѣтельство?

Въ XIX главѣ Корана Магометъ повторяетъ опять Евангельскую повѣсть, о рожденіи Предтечи и благовѣщеніи Пречистой Дѣвы, но въ другихъ словахъ, съ измѣненіями противъ прежняго своего показанія, и присовокупляетъ наконецъ много вымысловъ, которые совѣстно даже повторять. Въ III главѣ Корана, Ангелы, во множественномъ числѣ, благовѣстили Дѣвѣ, а здѣсь Богъ посылаетъ ей Духа, въ совершенномъ образѣ человѣческомъ, который внезапно является укрывшейся во храмѣ и говоритъ: «я посланъ отъ Бога даровать тебѣ сына», ибо, по мнѣнію Магометанъ, Духъ Святый и Архангелъ Гавріилъ, одно и тоже: такъ мало разумѣютъ они тайны Христіанскія, которыя дерзаютъ осуждать! Слова Пречистой Дѣвы и отвѣты Ангела разнствуютъ съ выраженіями, прежде приведенными въ Коранѣ, которыя ближе были къ изреченіямъ Евангельскимъ, а въ та-

кихъ высокихъ предметахъ, измѣнять слова значитъ тоже, что и вымышлять. Далѣе, вопреки Св. Писанію и даже здравому смыслу, постигаютъ Пречистую Дѣву болѣзни раждающей, и она взываетъ къ Богу о смерти, какъ будто бы нетлѣнно зачатое въ утробѣ ея, отъ Духа Святаго, могло подвергнуть ее, при рожденіи, обыкновеннымъ мукамъ, какимъ подвергаются женщины, во грѣхѣ рождающія зачатыхъ во грѣхѣ дѣтей? — Для чего же было допускать сверхъ-естественное зачатіе отъ Духа? По словамъ Корана, страждущая слышитъ, въ утѣшеніе себѣ, голосъ младенца, повелѣвающій ей утолить голодъ и жажду, плодами потрясенной ею пальмы и водою явившагося у ногъ ея источника, ибо она, по смѣшаннымъ преданіямъ Арабскимъ, бѣжала въ пустыню, для тайныхъ родовъ. — Гдѣ могъ заимствовать такіе вымыслы, недостойные величія Божіяго, писатель Корана, выдающій ихъ за непреложные?

Онъ представляетъ потомъ Пречистую Дѣву, возвратившуюся съ чуднымъ Младенцемъ въ свое семейство, которое съ

изумленіемъ распрашивая о новорожденномъ, называетъ ее, не знаю уже почему, сестрою Аарона. Магометъ забылъ, что она испрошена молитвою отъ неплодной, и на сей разъ смѣшалъ ее съ Маріамію, сестрою Первосвященника Іудейскаго, какъ это часто съ нимъ случается въ именахъ и лицахъ. Марія велитъ испытующимъ ее, допросить младенца, и новорожденный отвѣчаетъ имъ: «Я служитель Божій, онъ далъ мнѣ книгу и поставилъ Пророкомъ; онъ хотѣлъ, чтобы я былъ благословенъ вездѣ, гдѣ ни буду». (Это искаженіе древняго пророчества, сказаннаго Аврааму: что въ сѣмени его благословятся всѣ народы. Бытія XXII. 18). «Миръ будетъ со мною, въ день моего рожденія, и въ день когда умру, и въ день когда воскресну».—Магометъ присовокупляетъ ко всѣмъ симъ выдуманнымъ рѣчамъ, которыя самъ онъ не могъ прочесть, ибо и нѣтъ ихъ ни въ какомъ Писаніи, обыкновенную свою хулу, основанную на глубокомъ невѣжествѣ таинъ Божіихъ: «Богъ не можетъ имѣть дѣтей; далеко отъ его славы да бу-

детъ хула сія», (Корана XIX 31—36,) какъ будто бы Христіане признаютъ Бога Вседержителя, имѣющимъ дѣтей въ человѣческомъ смыслѣ!

Но вотъ еще разительный примѣръ вымысловъ Магомета, который однако поставляетъ себя на равнѣ съ величайшими посланниками Божіими и расказываетъ: какимъ образомъ Богъ, въ послѣдній день, соберетъ посланныхъ имъ Апостоловъ, въ томъ числѣ и его, чтобы спросить у нихъ отчетъ о успѣхѣ ихъ проповѣди. Тутъ присоединяетъ онъ слѣдующій вымыселъ, которымъ вѣроятно думаетъ замѣнить сказаніе Евангельское о вечери Тайной, превосходившей его чувственныя понятія: «О Іисусъ, сынъ Маріи! сказали Апостолы: Господь твой можетъ ли ниспослать намъ съ неба трапезу, совсѣмъ готовую? Бойтесь Господа, если имѣете вѣру, отвѣчалъ Іисусъ. Мы желаемъ, сказали они сѣсть за сію трапезу и вкусить отъ нея, чтобы утвердились сердца наши; мы узнаемъ, что ты проповѣдалъ истину и засвидѣтельствуемъ о тебѣ. Тогда Іисусъ, сынъ Маріи,

произнесъ сію молитву: Боже и Господи, ниспосли намъ трапезу съ неба, дабы она служила пиршествомъ, для перваго и послѣдняго изъ насъ, и знаменіемъ твоего могущества; напитай насъ, ибо ты лучшій изъ всѣхъ питающихъ. Тогда Господь отвѣчалъ: вотъ я ниспошлю вамъ трапезу, но горе тому, кто послѣ сего чуда останется невѣрнымъ; я приготовлю для него самое ужасное наказаніе, которое когда-либо было уготовано. Богъ сказалъ тогда Іисусу: говорилъ ли ты когда либо человѣкамъ: почитайте Богами меня и мать мою, вмѣсто Бога единаго? — Славою твоею клянусь, что нѣтъ, возразилъ Іисусъ; какъ же бы я могъ сказать то, что не истинно? если же бы сказалъ, развѣ ты бы не зналъ того? ты знаешь, что́ во глубинѣ души моей; я же не знаю, что́ во глубинѣ твоей, ибо ты одинъ вѣдаешь тайны; я не болѣе сказалъ, какъ то, что ты мнѣ велѣлъ сказать: пѣкланяйтесь Господу Богу моему и вашему. Доколѣ я былъ на землѣ, я могъ свидѣтельствовать противъ нихъ, а когда ты позвалъ меня

къ себѣ, взоры твои были на нихъ, ибо ты свидѣтель всяческихъ. Если ты накажешь ихъ, то имѣешь право, ибо они рабы твои; если же простишь, ты властенъ, ибо всемогущъ и премудръ. (Корана V. 108—118).

Можно ли изобрѣтать съ большею самонадѣянностію? — Какъ мало разумѣлъ Магометъ, что́ былъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ? когда влагаетъ ему въ уста такія рѣчи и равняетъ его съ смертною, по плоти, его матерью! И однако же, на основаніи сихъ лжесвидѣтельствъ, послѣдователи Корана думаютъ, что мы почитаемъ за Божество пречистую Матерь Господа: ибо, по слѣпотѣ своего учителя, не могутъ отличить божества отъ человѣчества, а потому и не воздаютъ должной славы истинному Сыну Божію и Богу. «Никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца» (Матѳ. XI. 27.) говоритъ Спаситель нашъ, и дабы не думали, что Бога могутъ познать человѣки, безъ его посредства, присовокупляетъ: «ни Отца не знаетъ никто, кромѣ Сына, и кому Сынъ открыть восхощетъ». О

семъ божественномъ откровеніи, Сына во Отцѣ и Отца въ Сынѣ, скажу тебѣ въ послѣдующихъ письмахъ, сколько словомъ человѣческимъ объяснить оное можно, на основаніи священнаго откровенія, отъ самаго Бога къ намъ бывшаго.

Но прежде, и въ заключеніе письма сего, спрошу тебя: можно ли давать вѣру Магомету, послѣ всѣхъ вымысловъ, въ которыхъ изобличается его Коранъ, чрезъ повѣрку съ Священнымъ Писаніемъ, хотя и выдаваемый имъ за вдохновенную книгу? Простой здравый смыслъ достаточно говоритъ, что если Магометъ ссылается на Евангеліе, писанное за шесть сотъ лѣтъ до него, четырьмя безпристрастными свидѣтелями, и на Пятокнижіе Моисеево, писанное за 2000 лѣтъ: то, или должно принять во свидѣтельство книги сіи и, сравнивъ ихъ съ тѣмъ, что изъ нихъ извлечено въ Коранѣ, отринуть искаженное, или искать новыхъ книгъ Моисеевыхъ и Евангельскихъ, которыхъ однако не могутъ представить Магометане; да и какъ создать ихъ, чрезъ нѣсколько тысячелѣтій, и за-

ставить вѣровать имъ, не только Христіанъ, но даже Евреевъ, свято соблюдающихъ у себя книги Моисеевы отъ самаго начала? А потому, человѣкъ, проникнутый истинами Св. Писанія, съ ужасомъ читаетъ вымыслы Корана, не смотря на всю поэзію его выраженій, и долженъ напомнить Магометанамъ, собственныя слова Магомета: «кто изобрѣтетъ ложь на Бога, тотъ въ числѣ нечестивыхъ». (Корана III. 88).

24 Декабря
1847.
Сергіева пустынь.

ПИСЬМО IV.

Прежде нежели приступить къ объясненію догматовъ вѣры, не полагаю излишнимъ сравнить, хотя въ нѣкоторыхъ главныхъ чертахъ, ученіе нравственное Корана съ ученіемъ Христіанскимъ, такъ какъ я уже сличалъ вымышленныя сказанія Корана, съ истинными событіями Св. Писанія. Многіе превозносятъ нравственное ученіе Корана и находятъ, «что оно даже не уступаетъ Евангельскому: тутъ нечему дивиться, хотя и неприлично такое уподобленіе. Апостолъ Павелъ говоритъ: «что даже язычники, не имѣющіе закона, по при-

родѣ законное творятъ» (Римл. II, 11.); слѣдственно кто только внимаетъ гласу совѣсти, тотъ уже близокъ къ добру, хотя не имѣетъ достаточно силы совершить оное безъ благодати, свыше даруемой отъ Бога человѣкамъ. Кольми паче Магометъ, который родился чрезъ шесть столѣтій послѣ того, какъ утвердилась вѣра Христова на Востокѣ, и который заимствовалъ свое ученіе, частію отъ Евреевъ, частію отъ Христіанъ, могъ имѣть чистые предъ собою источники, для почерпанія нравственныхъ истинъ, и если чему-либо надлежитъ удивляться, то это самовольному его отклоненію къ другимъ началамъ, въ которыя вовлекли его честолюбіе и чувственность.

Онъ самъ повторяетъ нѣсколько разъ, что книга его писана для подтвержденія Св. Писанія, и даже иногда благосклонно отзывается о другихъ исповѣданіяхъ: «по истинѣ тѣ, которые вѣруютъ (т. е. собственно Магометане) и тѣ, которые слѣдуютъ вѣрѣ Іудейской и Христіане, однимъ словомъ: ктобы ни вѣровалъ въ Бога и

въ послѣдній день, и творилъ добрыя дѣла, всѣ тѣ получатъ награду отъ ихъ Господа. (Корана II. 59). Но въ послѣдующей главѣ, по странному противурѣчію, которое впрочемъ весьма часто встрѣчается въ Коранѣ, говоритъ: «кто желаетъ иной вѣры, кромѣ Ислама, (подъ коимъ разумѣетъ собственно свою) не будетъ принятъ отъ Бога, и въ другомъ мірѣ будетъ въ числѣ несчастныхъ», (III. ст. 79) Магометъ полагаетъ, что истинные Евреи и Христіане суть тѣ, которые слѣдуютъ его ученію; но мы уже видѣли, какъ онъ самъ исказилъ то, что отъ нихъ заимствовалъ, хотя однако повелѣваетъ вѣрить ихъ книгамъ.

Изъ сего возникло странное мнѣніе между его послѣдователями: будто бы Христіане не пользуются настоящими книгами священнаго Писанія и что истинное преданіе находится въ рукахъ Магометанъ. Мнѣніе сіе основано на томъ, что они слышали, какъ въ первые вѣка Христіанства были распространяемы нѣкоторыя подложныя книги, подъ именемъ Евангелія, еретика-

ми, которые изобрѣтали ихъ въ свою пользу; но они не знаютъ, что тогда же, при самомъ началѣ, Церковь Христіанская обличила сіи подложныя книги, свято соблюдая у себя тѣ, которыя приняла отъ ближайшихъ учениковъ Господа. Извѣстно, что Евангелистъ Іоаннъ, бывшій самъ Апостоломъ и достигшій столѣтняго возраста, еще при жизни своей, прочелъ и утвердилъ три Евангелія Матѳея, Марка и Луки, написавъ въ дополненіе къ онымъ четвертое Евангеліе, такъ что уже послѣ сего не можетъ оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинѣ сихъ четырехъ современныхъ свидѣтельствъ.

Не смотря на то, Христіанамъ извѣстны всѣ подложныя книги, распространенныя еретиками, и что весьма замѣчательно: исключая двухъ или трехъ случаевъ, указанныхъ мною въ предъидущемъ письмѣ, сказанія Корана разнствуютъ даже и съ сими не принятыми нами писаніями, и конечно Магометане не могутъ представить никакого достовѣрнаго списка сихъ подложныхъ книгъ, который бы не былъ

намъ извѣстенъ, ибо всѣ они уже были обличены гораздо прежде рожденія Магомета. Но вотъ что еще болѣе можетъ обнаружить истину: Пятокнижіе Моисеево, на которое безпрестанно ссылается Коранъ, было написано за полторы тысячи лѣтъ до рождества Христова и до такой степени свято соблюдаемо Евреями, что сочтены въ немъ не только слова, но и буквы, такъ что никогда даже ни кому не приходило на мысль, ни въ древнія времена, ни въ послѣдующія, написать подложное Пятокнижіе; это тѣмъ достовѣрнѣе, что книги сіи хранятся доселѣ въ рукахъ Евреевъ, которые намъ враждебны. Какимъ же образомъ Коранъ несогласенъ въ своихъ сказаніяхъ, даже и съ древнѣйшими книгами Моисеевыми, и безпрестанно измѣняетъ, по своему произволу, то что освящено временемъ и непрерывнымъ преданіемъ?

Однако, не смотря на такія несправедливыя понятія о Христіанахъ и Евреяхъ, и они, какъ бы невѣрующіе, въ числѣ прочихъ язычниковъ подвергаются гоненію,

ибо Коранъ велитъ, безъ всякаго милосердія, изгонять и умерщвлять всѣхъ невѣрующихъ (II. 187. IV. 91.) Онъ даже укоряетъ тѣхъ, которые чуждаются брани: «вамъ предписали войну и вы гнушаетесь ею!» восклицаетъ онъ (II. 212.); до такой степени все его ученіе проникнуто духомъ брани, а не мира.

«Нѣтъ предъ Богомъ животныхъ, болѣе гнусныхъ, какъ тѣ, которые невѣруютъ и остаются невѣрными. Если тебѣ удастся схватить ихъ во время войны, разсѣй, посредствомъ ихъ казни, ихъ послѣдователей, чтобы они о томъ поразмыслили. Если ты ожидаешь измѣны отъ какого-либо народа, воздай ему тѣмъ же: Богъ не любитъ измѣнниковъ. И такъ поставь на ноги всѣ силы, которыми располагаешь и крѣпкія дружины всадниковъ, чтобы устрашить враговъ Божіихъ и твоихъ, и тѣхъ, которыхъ ты еще не знаешь, но которыхъ знаетъ Богъ. Всѐ, что ты издержишь для дѣла Божія, будетъ тебѣ вознаграждено, и ты не останешься въ убыткѣ. Если же они склоняются къ миру, и ты

склонись; довѣрься Богу, ибо онъ все знаетъ и слышитъ; если же измѣнятъ, Богъ тебѣ поможетъ.» (Коранъ VIII. 57 — 64.) Кто говоритъ сіи воинственныя рѣчи? — судя по ихъ духу и по самому заглавію: Добыча, конечно какой-либо полководецъ; нѣтъ, это законодатель и начальникъ вѣры; но и онъ, какъ будто чувствуетъ несвойственность такихъ воззваній, для своего духовнаго сана, когда прибавляетъ: «никогда не было дано пророкамъ, захватить много плѣнниковъ, не совершивъ на землѣ большихъ смертоубійствъ! — Ты желаешь благъ сего міра, Богъ дастъ тебѣ блага инаго; онъ могуществен и премудръ.» (ст. 68.) Но по самымъ этимъ свойствамъ Божіимъ, мы не можемъ повѣрить, чтобы отъ Бога были слова сіи!

Нѣтъ, мы знаемъ инаго Пророка и самъ Магометъ его знаетъ, ибо нѣсколько добрыхъ рѣчей у него заимствовалъ, «который не переломилъ надломленной трости и не угасилъ льна курящагося,» (Исаіи XLII. 12. Матѳ. XII. 20), какъ о немъ предрекли прежде бывшіе Пророки, и который,

по тѣмъ же предсказаніямъ: «взошедъ на высоту, плѣнилъ плѣнъ, и не только далъ даянія человѣкамъ» (Исаіи LXVII. 19), сдѣлавъ учениковъ своихъ изъ рыбарей ловцами человѣковъ, но даже сокрушилъ мѣдныя вереи ада, низложивъ его царство, и все сіе одною только силою слова, но божественнаго: ибо онъ былъ воистинну Богъ и человѣкъ, «пришедшій не погублять а спасти души человѣковъ», какъ самъ выражался о себѣ въ Евангеліи. (Луки IX. 56.) Онъ не почиталъ гнусными животными язычниковъ, по слѣпотѣ незнающихъ Бога, но только заблудшими овцами, (Іоан. X. 16.) которыхъ надлежало привести во дворъ овчій, и они съ радостію услышали пастырскій гласъ его. Онъ не запрещалъ о нихъ молиться, какъ внушалъ сіе Магометъ, будто бы отъ имени Божія, объявляя: «что не подобаетъ пророку и вѣрнымъ, испрашивать пощады у Бога для язычниковъ, даже если бы они были изъ числа родныхъ, когда уже явно, что они обречены огню.» (Корана IX. 114.) Нѣтъ, онъ самъ молился даже о своихъ распинате-

ляхъ, съ высоты искупительнаго креста: «Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо что творитъ;» (Луки XXIII. 34.) ибо для сего и пришелъ онъ въ міръ, въ образѣ человѣческомъ, чтобы принести себя въ жертву за все человѣчество; но законодатель Арабскій не могъ постигнуть духовной высоты сего чрезвычайнаго смиренія.

Посему и существуетъ такое разстояніе между заповѣдями, истинно божескими, данными свыше, вмѣстѣ съ благодатною силою ихъ исполнить, и заповѣдями человѣческими, которыя только съ перваго взгляда кажутся довольно высокими. Магометъ полагаетъ, что онъ уже весьма многое сказалъ сими словами: «когда ты мстишь за нанесенныя тебѣ обиды, старайся, чтобы месть твоя была соразмѣрна съ ними; но если ты предпочитаешь перенести ихъ съ терпѣніемъ, это будетъ полезнѣе для терпѣливыхъ.» (Корана XVI. 127.) Но что говоритъ намъ Божественный нашъ учитель? — «любите враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижа-

ющихъ и гонящихъ васъ: ибо если вы будете любить только любящихъ васъ, какой вамъ ожидать награды? — и язычники не тоже ли творятъ? Будьте же совершенны, какъ совершенъ отецъ вашъ небесный.» (Матѳ. V. 44 — 48.) По причинѣ строгости, превозноситъ Магометъ законъ Моисеевъ: «око за око, зубъ за зубъ,» какъ лучшее законодательство, хотя велитъ также руководствоваться и Евангеліемъ. (Корана V. 52.) Но онъ не извлекъ изъ него сихъ божественныхъ словъ: «вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ; а я вамъ говорю: не противьтесь обижающему, и если кто ударитъ тебя въ правую щеку, подставь ему лѣвую, и хотящему судиться съ тобою и взять у тебя ризу, отдай и срачицу.» (Матѳ. V. 38. 40.)

Одну только заповѣдь, о милостыни, съ любовію принялъ Магометъ, и часто упоминаетъ о ней въ Коранѣ, внушая ее своимъ послѣдователямъ. Если же вникнуть въ изгибы человѣческаго сердца, то необходимо должно сознаться, что гораздо лег-

че сотворить милостыню, отъ своихъ избытковъ и даже недостатковъ, и принять страннаго въ домъ свой, нежели простить врагу, не тому, который идетъ на насъ съ оружіемъ, но такому, который оскорбляетъ насъ, въ предметахъ самыхъ чувствительныхъ для нашего сердца. Для сего надобно одержать совершенную побѣду надъ самимъ собою и достигнуть той высоты смиренія и любви, которую можетъ внушить только одинъ пострадавшій за насъ Господь. Кто знаетъ, до какой степени смирилъ себя Богъ, чтобы возстановить падшаго человѣка, тотъ уже, ради сей небесной любви, все проститъ брату своему, ибо имѣетъ съ нимъ единаго на небесахъ Отца. Вотъ почему одно только Евангеліе можетъ совершенно пересоздать человѣка, сдѣлавъ его членомъ семейства Христова и чадомъ Божіимъ, когда напротивъ того всякое другое ученіе, отъ человѣковъ пришедшее, хотя и даетъ нѣкоторое нравственное образованіе, но не перерождаетъ его совершенно, не проникнувъ его Духомъ Божіимъ. И какъ не совершаетъ оно человѣ-

на отдѣльно, такъ равно и не образуетъ его въ семейномъ быту, по свойству тѣхъ же недостаточныхъ законовъ, которые, по видимому, какъ будто имѣютъ нѣкоторое основаніе въ самой природѣ человѣческой.

Я хочу говорить о многоженствѣ, которое Магометъ опровергалъ сперва собственнымъ примѣромъ, будучи, въ самые пылкіе годы юношескаго возраста, вѣрнымъ супругомъ единственной жены своей Кадижи, хотя она была гораздо его старше, и которое разрѣшилъ, столь широкою рукою, послѣ ея смерти, будучи уже сорока лѣтъ, когда предался самъ узаконенной имъ чувственности. Мы видѣли изъ жизни его, что онъ имѣлъ до пятнадцати женъ и не опускалъ ни малѣйшаго случая, въ походахъ и даже на богомольи, вступать въ новыя супружества, подъ предлогомъ политическихъ видовъ; самая смерть приключилась ему отъ отравы, составленной на пиршествѣ женской рукою. Особенныя льготы, которыя онъ себѣ предоставилъ, въ качествѣ законодателя и пророка, превосходятъ всякое приличіе, такъ что онъ при-

нужденъ былъ оправдывать себя, даннымъ ему, будто бы свыше, дозволеніемъ вступать въ недозволенные браки, съ родственницами и даже съ женою усыновленнаго имъ пріемыша; это все по необходимости отразилось въ его законодательствѣ.

«О Магометъ, будто-бы сказалъ ему Ангелъ, тебѣ позволено брать себѣ въ супруги женщинъ, которымъ ты далъ приданое, рабынь, которыхъ предалъ Богъ въ твои руки, дочерей твоихъ дядей и тетокъ, которыя бѣжали съ тобою, и всякую вѣрную женщину, которая сама собою предала душу свою пророку, если пророкъ хочетъ на ней жениться. Это есть преимущество, которое мы тебѣ даруемъ предъ прочими вѣрными. Мы знаемъ уставы брака, учрежденнаго нами; не бойся сдѣлаться виновнымъ, пользуясь своими правами: Богъ снисходителенъ и милостивъ.» (Коранъ XXXIII, 49 и 50). И такъ, по сознанію самаго законодателя, чувственныя наслажденія, даны ему въ награду за проповѣданную имъ вѣру, и служатъ для него какъ бы отличіемъ отъ прочей толпы Му-

сульманъ. Съ какимъ утонченнымъ сладострастіемъ описаны имъ всѣ сіи льготы! «Ты можешь подавать надежду всякой, которую только пожелаешь, и принять на ложе свое ту, которую пожелаешь, и если даже опять ее пожелаешь, послѣ того какъ ее уже разъ оставилъ. Ты не будешь въ этомъ виновенъ; такимъ образомъ легче будетъ утѣшать ихъ. Ни одна изъ нихъ не должна быть огорчена, и всѣ должны быть довольны тѣмъ, что ты имъ даруешь. Богъ знаетъ то, что въ сердцахъ вашихъ; онъ всевѣдущъ и человѣколюбивъ.» (ст. 51).

Отвратительно слѣдовать за всѣми сими изворотами сладострастія и женскими интригами, которыя были не разъ оговариваемы въ Коранѣ и подавали поводъ къ какому-либо новому узаконенію, выдаваемому за внушеніе свыше; это одно уже достаточно, чтобы обличить мнимое посольство, которое до такой степени запятналось плотскими помыслами. Такъ напримѣръ, когда одна изъ женъ его оскорбилась предпочтеніемъ, оказаннымъ отъ него дру-

гой, ибо онъ провелъ съ тою ночь, которая сей принадлежала, то отъ того возникли жестокіе упреки, возмутившіе душу пророка. Сей часъ, въ качествѣ ниспосланной ему свыше, явилась цѣлая глава Корана, подъ титломъ: Запрещеніе (LXVI), въ которой высказаны всѣ сплетни женскія: какъ одна изъ женъ не сохранила ввѣренной ей тайны, и какъ все это узналъ пророкъ, по небесному внушенію, и къ сему прибавлено: «что Богъ и Архангелъ Гавріилъ, и всѣ праведные, между вѣрующими и Ангелами, подадутъ ему помощь въ случаѣ (совѣстно вымолвить, но это подлинныя слова Корана, ст. 4), если двѣ его жены совѣщаются вмѣстѣ противъ пророка». Достойно ли это Божества и чистаго міра Ангельскаго? Самое начало главы сей уже обличаетъ чувственность, которою она вся проникнута: «О пророкъ, зачѣмъ запрещаешь ты то, что дозволилъ Богъ? ты ищешь удовлетворить твоихъ женъ: Богъ снисходителенъ и милостивъ! Богъ позволилъ тебѣ разрѣшить твои клятвы; онъ твой покровитель.» И послѣ того, какъ священ-

ное имя Божіе, столь хульно и часто, пріемлется всуе, для предметовъ грубой чувственности, есть еще люди, которые вѣруютъ искренно небесному посольству ихъ пророка?

До такой степени помрачилась душа Магомета и все представлялось ему въ чувственномъ видѣ, что даже райскія наслажденія духовнаго міра, которыхъ, по высокому выраженію Апостола, «и ухо не слыхало и око не видало, и которыя не могли взойти даже на сердце человѣка,» (1 Коринѳ. 11. 9.) онъ умѣлъ обратить въ чувственное: «Тѣ, которые увѣруютъ и будутъ творить добрыя дѣла, будутъ введены въ сады, орошенные потоками водъ, и останутся тамъ вѣчно; они найдутъ тамъ женщинъ, чуждыхъ всякаго тлѣнія, и прохладу рощей.» (Корана IV, 60) Въ главѣ LVI это описано еще чувственнѣе, такъ что даже неприлично повторять, (ст. 33—36) и что же? — это обѣщаніе небесныхъ Гурій, прельщаетъ многихъ чувственныхъ людей, и заставляетъ ихъ превозносить достоинства Корана и слѣпо въ него вѣровать!

Когда Магометъ позволилъ себѣ столь много и обѣщалъ столько грубыхъ наслажденій въ будущей жизни, конечно и въ этой жизни онъ озаботился удовлетворить своихъ послѣдователей, въ ихъ плотскихъ похотяхъ, чтобы крѣпче привязать ихъ къ себѣ сими нечистыми узами. «Женщины ваше поле, говоритъ онъ, ходите на ваше поле, когда хотите.» (Корана II. 223.) Какое недостойное сравненіе! Посмотримъ однако: что запрещаетъ, и что разрѣшаетъ Магометъ, въ своихъ брачныхъ уставахъ? «Вамъ запрещается, говоритъ онъ, (но можно ли даже и подумать о такомъ ужасѣ?) жениться на вашихъ матеряхъ, вашихъ дочеряхъ, теткахъ, племянницахъ, кормилицахъ, молочныхъ сестрахъ, тещахъ, питомицахъ, ввѣренныхъ вашей опекѣ, если вы имѣли общеніе съ ихъ матерями; если же нѣтъ, то это вамъ дозволено. Не женитесь также на внучкахъ вашихъ, дочеряхъ сыновей вашихъ, ни на двухъ сестрахъ; если же это и совершится, то Господь проститъ, ибо онъ милостивъ.» (Корана IV. 27). Не доходитъ ли это уже до кровосмѣшенія? и однако все

сіе разрѣшаетъ Магометъ, именемъ Божіимъ! Далѣе онъ запрещаетъ брать за себя замужнихъ женщинъ, кромѣ тѣхъ, которыя достанутся въ руки вѣрнымъ, въ качествѣ рабынь, и присовокупляетъ къ сему: «таковъ законъ Божій.» (ст. 28.) Но развѣ бракъ рабыни разнствуетъ отъ брака свободной, святостію узъ? и все это выдается и пріемлется за Божіе слово!

Любопытно однако, какимъ логическимъ разсужденіемъ руководится Магометъ, для узаконенія всѣхъ сихъ безпорядковъ, въ IV главѣ Корана, имѣющей заглавіемъ: Женщины. Онъ говоритъ въ началѣ ея: «о люди, бойтесь Господа, создавшаго васъ всѣхъ изъ единаго человѣка; онъ создалъ изъ него его подругу и, отъ сихъ двухъ существъ, произвелъ весь человѣческій родъ.» И такъ вотъ, въ началѣ творенія, представляется намъ единая чета, созданная рукою Божіею и благословенная имъ на произведеніе себѣ подобныхъ. Не вытекаетъ ли естественно изъ сего бракъ Христіанскій, одного мужа съ одною женою, по слову Божію, сказанному первому человѣ-

ку, подтвержденному и Спасителемъ нашимъ въ Евангеліи: «сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и мать, и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два плоть едина.» (Бытія гл. II, 24. Матѳ. гл. XIX, 5.) Посему многоженство Магометанъ, не есть-ли видимое противурѣчіе, не только закону Божію, но даже и закону естественному, указанному намъ при самомъ созданіи человѣка, и возвращенному къ первобытной чистотѣ, въ богодохновенномъ законѣ Христіанскомъ? Здѣсь можно видѣть яркую черту различія между уставами человѣческими и божественными. Если спросить чувственную природу человѣка, то послабленіе, дарованное Магометомъ, для удовлетворенія плотской похоти, подъ видомъ узаконенныхъ браковъ, кажется ей гораздо благоразумнѣе, нежели строгость Евангельская, не позволяющая, ни подъ какимъ предлогомъ, выходить изъ стѣснительной, по видимому, двойственности лицъ брачныхъ, и всѣ люди, ищущіе угодить своей плоти, такъ разсуждаютъ; но и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, болѣе

возвышенныхъ, вполнѣ оправдывается истинный законъ Божій, въ которомъ все направлено къ очищенію и возвышенію духа человѣческаго, чрезъ умерщвленіе плоти со страстьми и похотьми.

Пусть самый ревностный, но безпристрастный Магометанинъ, взглянетъ на внутренній семейный бытъ своихъ единовѣрцевъ, и даже на собственный, если онъ женатъ на нѣсколькихъ женахъ, по уставамъ Корана, и потомъ пусть сравнитъ его съ Христіанскимъ: есть ли, и можетъ ли быть миръ и согласіе между нѣсколькими женами одного и того же мужа, завидующими другъ другу, не только въ нравственномъ, но даже и въ чувственномъ расположеніи къ нимъ общаго ихъ владыки, когда даже Коранъ обличаетъ такое домашнее неустройство, внутри семейства самаго законодателя? А что сказать еще о многочисленныхъ рабыняхъ, сверхъ того возбуждающихъ зависть и самихъ законныхъ женъ? и какіе плоды сего внутренняго междоусобія? Совершенное уничтоженіе семейнаго быта, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ равен-

ства естественнаго и Христіанскаго, между мужемъ и женою, а только отношенія владыки къ подвластному ему существу, которое называется законною женою или наложницею, тамъ нѣтъ и того сердечнаго согласія, какое бываетъ основано на взаимномъ уваженіи обоихъ супруговъ; не говорю уже о недостойныхъ враждахъ между женами, для привлеченія къ себѣ чувственной страсти ихъ супруга.

Что же сказать еще о дѣтяхъ, воспитанныхъ на разныхъ правахъ, судя по разности состояній ихъ матерей, и въ постоянной ненависти другъ къ другу? — Одни только единоутробные большею частію бываютъ хороши между собою, и это доказываетъ, что естественное всегда одерживаетъ верхъ надъ противуестественнымъ; но самая жестокая вражда раздѣляетъ дѣтей разноутробныхъ, ибо они всасываютъ съ млекомъ чувства ненависти своихъ матерей. Самая невозможность, воспитать въ единомысліи такое разнородное семейство, производитъ то, что равнодушные родители стараются отдалить отъ себя дѣтей и

отдаютъ ихъ въ чуждыя руки на воспитаніе, такъ что они возвращаются совершенно чуждыми отеческому крову; а если и воспитываютъ ихъ дома, то какая есть возможность дать нравственныя начала ребенку, посреди сего внутренняго хаоса раздоровъ, отравляющихъ семейный бытъ едва ли не каждаго Мусульманина?

Можно ли сравнить это печальное положеніе съ благословеннымъ устройствомъ семейства Христіанскаго, гдѣ мужъ, будучи только главою, а не владыкою жены, соединенъ съ нею союзомъ духовнымъ, знаменующимъ таинственный союзъ самаго Господа нашего съ Церковію. (Ефес. V. 32.). Съ минованіемъ перваго пыла любви остается между супругами нѣжная дружба, основанная на взаимномъ уваженіи, и плодомъ онаго бываетъ нравственное воспитаніе дѣтей, т. е. образованіе ихъ духа и сердца до такой степени совершенства, чтобы во всѣхъ своихъ поступкахъ, а паче въ дѣлахъ любви къ ближнему, они уподоблялись, сколько возможно въ настоящей жизни, Творцу своему и достигали сего

подобія, чрезъ подражаніе Тому, кто носилъ на себѣ вмѣстѣ и образъ человѣческій и образъ Божій, — Господу нашему Іисусу Христу. Такое благоустройство семейное, основанное на личномъ духовномъ образованіи человѣка, производитъ и гражданское благосостояніе, ибо оно восходитъ постепенно изъ семейства въ общество, изъ общества въ государство. Но, къ несчастію, мы не встрѣчаемъ государственнаго благосостоянія въ земляхъ Магометанскихъ, потому именно что они лишены порядка общественнаго и семейнаго.

Кромѣ сей основной причины, даже одно то, что каждое общество Магометанское хочетъ исключительно руководствоваться только Кораномъ, какъ единственнымъ закономъ духовнымъ и гражданскимъ, съ произвольнымъ и часто пристрастнымъ его толкованіемъ, своихъ Кадіевъ и Муллъ: одно это уже препятствуетъ водворенію желаннаго порядка; ибо самый Коранъ, хотя и заключаетъ въ себѣ нѣсколько узаконеній, не можетъ однако представить полнаго удовлетвори-

тельнаго ихъ собранія. — Такое исключительное къ нему пристрастіе напоминаетъ поступокъ втораго Халифа Омара, который отвѣчалъ на вопросъ военачальника своего Амру: какъ поступить ему съ великолѣпною библіотекою Александрійскою? — «Если она заключаетъ въ себѣ тоже, что есть и въ Коранѣ, то она безполезна, и слѣдственно ее надобно сжечь; если же заключаетъ противное, то тѣмъ паче подлежитъ сожженію»; и такимъ образомъ погибло въ пламени драгоцѣннѣйшее хранилище познаній человѣческихъ, собранное многими вѣками, въ которомъ совокуплено было все ученіе древнихъ. Приговоръ сей надъ образованіемъ и ученостію цѣлаго міра послужилъ основнымъ камнемъ и для преемниковъ Халифа; а потому, обыкновеннымъ послѣдствіемъ распространенія Корана, было всегда угашеніе свѣта наукъ, исключая только немногихъ отраслей, и совершенное истребленіе искусствъ, не смотря на всю внѣшнюю славу быстро распространившагося Халифата.

Пусть также безпристрастный Мусуль-

маниинъ сравнитъ образъ сего воинственнаго распространенія его вѣры, съ кроткимъ распространеніемъ Христіанства, и скажетъ, положивъ руки на сердце: которое изъ нихъ болѣе достойно Божества? Въ одномъ огнь и мечь, сокрушающіе, по заповѣди пророка Арабскаго, всѣхъ которые не вѣруютъ его Корану; въ другомъ также пролитіе крови, но только добровольныхъ жертвъ, принесшихъ себя за исповѣданіе истины, и чудное дѣло! — на костяхъ мученическихъ строится прочное зданіе вѣры, которое благопріятствуетъ всякому развитію умственному, когда напротивъ того Магометанская стѣсняетъ просвѣщеніе и сама ослабѣваетъ, по мѣрѣ сокращенія физическихъ силъ своихъ проповѣдниковъ. Не доказываетъ ли это божественнаго начала одной вѣры и человѣческаго другой? тѣмъ болѣе, что если вникнуть въ догматы обѣихъ религій, то Магометова, какъ изобрѣтеніе земное, кажется ближе къ понятіямъ человѣческимъ и удобоисполнимѣе въ ея заповѣдяхъ. Какимъ же образомъ та, которая свойствен-

нѣе человѣкамъ, могла водвориться только напряженіемъ чувственной силы; а та, которая поражаетъ нашъ разумъ, необычайностію своихъ догматовъ и нравственныхъ началъ, къ обузданію человѣческихъ страстей, та проникаетъ душу, чрезъ кроткое слово убѣжденія, и смиривъ сперва умъ, возноситъ его потомъ до высшей точки созерцанія, какая только доступна на землѣ? Не есть ли это знаменіе ея божественности, во исполненіе пророческихъ словъ Апостола, который былъ самъ въ числѣ чудныхъ ея проповѣдниковъ:

«Богъ избралъ безумное міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное, и незнатное міра и ничего незначущее избралъ Богъ, дабы истребить значущее, для того чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ: дабы вѣра утверждалась не на мудрости человѣческой, а на силѣ Божіей». (I. Коринѳ. I 27, 28 29. II. 4, 5.)

ПИСЬМО V.

Послѣ всего того, что мы говорили съ тобою, о нравственномъ различіи между Евангеліемъ и Кораномъ, вспомнимъ еще однажды, какія истины согласны съ нами исповѣдуетъ Коранъ? — Вопервыхъ: единство Божіе, догматъ, который столь ревностно проповѣдывалъ Магометъ, что даже полагалъ, будто мы отъ него отступили, потому что онъ не хотѣлъ вникнуть въ таинство, которое еще болѣе укрѣпило вѣру нашу въ сію истину. Потомъ признаетъ онъ сотвореніе міра, видимаго и невидимаго, силою Божіею, созданіе Ангеловъ и паденіе одного изъ нихъ, Сатаны; созданіе Адама и Евы и попущеніе ихъ въ раю,

отъ діавола, чрезъ вкушеніе запрещеннаго плода. Все это истины библейскія, хотя и переданы иными словами и съ произвольными прибавленіями. Коранъ допускаетъ и всемірный потопъ, и откровеніе Божіе человѣкамъ, чрезъ избранныхъ мужей, Патріарховъ и Пророковъ, и законъ, данный чрезъ Моисея народу Израильскому, и наконецъ послѣдній судъ и общее воскресеніе мертвыхъ. Онъ исповѣдуетъ и основную истину Евангельскую: рожденіе Господа нашего Іисуса Христа, отъ Пречистой Дѣвы Маріи, зачатіемъ Духа Божія, называя даже рожденнаго отъ нее Словомъ Божіимъ.

Въ чемъ же наконецъ разность, спросишь ты, послѣ такихъ выраженій, совершенно сходныхъ съ Христіанскими?—Разность состоитъ въ отсутствіи одной великой истины: признанія Божества въ лицѣ Іисуса Христа, безъ чего выраженія Корана о немъ, какъ рожденномъ отъ Дѣвы и какъ Словѣ Божіемъ, не имѣютъ значенія: ибо они могутъ относиться только къ Богу. До Господа Іисуса не было никого,

кто бы родился отъ Дѣвы, не отъ сѣмени мужескаго, а отъ наитія Духа Святаго; и какъ всякой человѣкъ естественно есть плодъ мужа и жены: то уже одно такое необычайное рожденіе, изъ дѣвственной утробы, безъ сѣмени мужескаго, не обнаруживаетъ ли нѣкое сверхъестественное Существо, которое никакъ не можетъ стать между Пророками? и можетъ ли Оно имѣть нужду еще въ одномъ позднѣйшемъ пророкѣ, для подтвержденія своей божественности? — Такимъ образомъ Магометане, исповѣдуя чудесное рожденіе Господа Іисуса, сами того невѣдая, безмолвно исповѣдуютъ его Божество, подъ оболочкою человѣчества, и вотъ какой гласной, необходимой истины, недостаетъ для полноты ихъ исповѣданія! Вотъ почему, когда насильственно исторгнутъ Магометомъ, изъ обѣтованій Ветхаго Завѣта и ихъ благодатныхъ исполненій въ Новомъ, сей основный камень спасенія всѣхъ человѣковъ, — вотъ почему не можетъ быть прочнымъ его зданіе, утвержденное на однихъ человѣческихъ началахъ, безъ связи божественной.

Основаніе сіе, связь сія, ключь Ветхаго и Новаго Завѣта, ключь неба и земли, «безъ него же, по выраженію Евангельскому, ничтоже бысть еже бысть,» (Іоан. гл. I. 3.) есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ,—Слово Божіе, какъ называетъ его и Коранъ, (III. 40), описывая благовѣстіе Ангела Дѣвѣ, — Сынъ Божій, хотя и не хочетъ Его такъ назвать Магометъ; чувственный его разумъ не могъ возвыситься до духовнаго созерцанія Божественнаго естества, сколько Оно само себя благоволило раскрыть человѣческой убогой природѣ. Омраченный плотскими помыслами, Магометъ, даже не постигалъ возможности инаго духовнаго рожденія для самихъ человѣковъ, о которыхъ говоритъ Евангелистъ Іоаннъ: «что они родились не отъ похоти плотскія, но отъ Бога, и сдѣлались дѣтьми Божіими, потому что увѣровали въ Сына Божія.» (Іоан. I. 8.) — Кольми паче Тотъ, кто, чрезъ посредство сей вѣры, могъ даровать людямъ, благодать содѣлываться дѣтьми Божіими, долженствовалъ самъ быть (уже не только по благодати, но и по са-

мой своей природѣ, далеко превосходящей нашу), Сыномъ Божіимъ, единороднымъ небеснаго своего Отца! — и такъ свидѣтельствуетъ о томъ Евангелистъ: «Въ началѣ было Слово и Слово было у Бога и Богъ былъ Слово.» (Іоан. гл. I. 1.) — Онъ называетъ его: «Свѣтомъ истины, просвѣщающимъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ,» но, возвѣщая таинственное его рожденіе отъ Бога, не боится явно исповѣдать: «что хотя Свѣтъ сей былъ въ мірѣ, и міръ чрезъ него произошелъ, однако міръ его не позналъ, и когда пришелъ онъ къ своимъ, свои его не пріяли.» (гл. I. 10. 11.)

Естьли же такъ смѣло и явно исповѣдуетъ Евангелистъ: «что Слово сдѣлалось плотію и вселилось въ насъ,» то это потому, что онъ самъ видѣлъ славу единороднаго Сына Божія, какъ выражается въ своемъ Евангеліи и въ соборномъ посланіи ко всѣмъ человѣкамъ: «О томъ, что было отъ начала, что мы слышали и видѣли очами нашими, что разсматривали и осязали своими руками, т. е. о Словѣ жизни: (ибо Жизнь явилась и мы видѣли и

свидѣтельствуемъ и возвѣщаемъ вамъ сію вѣчную Жизнь, которая была у Отца и явилась намъ), о томъ, что мы видѣли и слышали, проповѣдуемъ вамъ, дабы и вы имѣли общеніе съ нами, а наше общеніе съ Отцемъ и Сыномъ его Іисусомъ Христомъ, и сіе пишемъ вамъ, дабы радость ваша была совершенна.» (1. Іоан. I. ст. 1—5.) Такому очевидному свидѣтелю можно дать вѣру, и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ онъ, чтобы изслѣдовали слова его, ибо вслѣдъ за тѣмъ исповѣдуетъ намъ истину, въ которой никто изъ насъ не можетъ не сознаться: «если мы говоримъ, что не имѣемъ грѣха, то мы сами себя прельщаемъ и истины нѣтъ въ насъ.» Но вотъ какое утѣшительное слово присовокупляетъ къ сему Евангелистъ: «если же исповѣдуемъ грѣхи наши, то Богъ, вѣрный и праведный, оставитъ намъ грѣхи наши и очиститъ насъ отъ всякой неправды; ибо мы имѣемъ ходатая ко Отцу, Іисуса Христа праведника, который есть очищеніе грѣховъ нашихъ, и не только нашихъ но и всего міра.» (Іоан. 8. II. 1.)

Здѣсь становится понятною причина его рожденія, въ образѣ человѣческомъ, и проясняются всѣ откровенія Пророковъ и законъ Моисеевъ, предуказавшій Іудеямъ будущаго Избавителя рода человѣческаго. Такимъ образомъ, все что не договорено было или усѣчено въ Коранѣ, исключеніемъ изъ него необходимаго лица Богочеловѣка, восполняется вочеловѣченіемъ Іисуса Христа.

Если недоступно, для ограниченнаго ума нашего, крайнее снисхожденіе Господа нашего и Бога къ человѣкамъ, то весьма доступна, для нашего грѣховнаго сердца, необходимость такого снисхожденія, безъ котораго бы мы оставались вѣчно въ состояніи паденія. — И хотя чрезвычайнымъ кажется средство нашего возстановленія, какъ просто однако и сообразно оно съ тѣмъ, что было для насъ необходимо! по истинѣ одно то велико, что просто. — Поелику мы больны, то надобно искать врачества въ противномъ тому, что произвело болѣзнь; а отъ чего мы больны?—отъ гордости, потому что она была виною нашего паденія и до сихъ поръ вле-

четъ насъ къ тому же. И такъ, чѣмъ же мы должны лѣчиться? — смиреніемъ; но уже тутъ недостаточно было собственнаго нашего смиренія, чтобы поднять насъ изъ бездны паденія, потому что гордость человѣка внушила ему страшную мысль: «сдѣлаться Богомъ,» и слѣдственно нужно было обратное дѣйствіе самаго Бога, для кореннаго исцѣленія сей человѣческой гордости. Что же совершилось? — премудро и просто воспѣваетъ сіе Церковь, въ одной изъ своихъ пѣсней, на день Благовѣщенія: «Богомъ восхотѣлъ быть Адамъ, и обманулся; человѣкомъ дѣлается Богъ, да обоготворитъ Адама.»

О глубина премудрости и крайняго человѣколюбія! — Богъ, все исполняющій собою, является на землѣ, чтобы возстановить свой образъ, помраченный въ человѣкѣ, и воспріявъ на себя человѣческій образъ, чрезъ сіе творческое прикосновеніе Божества къ человѣчеству, опять возсозидаетъ его, какъ нѣкогда сотворилъ Онъ его изъ персти: ибо преобразовать, равно какъ и сотворить, можетъ одинъ толь-

ко Творецъ, и никакая сила человѣческая не въ состояніи обновить падшее человѣчество. Безуспѣшность проповѣди Ноевой и послѣдовавшій за оною всемірный потопъ, служили горькимъ доказательствомъ сей истины; законъ Моисеевъ, данный отъ Бога избранному народу, еще болѣе засвидѣтельствовалъ недостаточность средствъ человѣческихъ, хотя и освященныхъ свыше. Надлежало самому Творцу придти на помощь къ своему творенію, и какъ лучь солнца проникаетъ освѣщаемые имъ предметы, не теряя чистоты своей, такъ благоволилъ Онъ проникнуть, божественною жизнію, падшее естество наше.

Послѣ этого становится понятнымъ и благовѣстіе Ангела Пречистой Дѣвѣ, и зачатіе ея отъ Духа Святаго: ибо она послужила, какъ нѣкогда дѣвственная еще земля, для образованія новаго Адама, долженствовавшаго имѣть первобытную чистоту, которая послѣ паденія не могла уже произойти отъ сѣмени человѣческаго. Такимъ образомъ мнѣ ясенъ догматъ Христіанскій; но я не могу понять причины столь

необычайнаго рожденія, если родился только простой человѣкъ, какъ лжемудрствуетъ Коранъ; и что же?—въ сверхъестественномъ обрѣтается смыслъ, котораго напрасно ищешь въ естественномъ, или мнимо разумномъ, потому что, по словамъ Апостола: «безумное Божіе мудрѣе человѣковъ». (1. Коринѳ. I. ст. 25.) Быть можетъ послѣдователи Корана усомнятся: какъ могло духовное существо Божіе соединиться съ бреннымъ составомъ человѣческимъ?—А развѣ душа, соединенная съ тѣломъ и составляющая съ нимъ вмѣстѣ одного человѣка, не есть также существо духовное, хотя и въ неизмѣримомъ разстояніи отъ Божескаго? Но любовь Божія сократила сіе разстояніе, и всемогущество Божіе восполнило то, что намъ кажется невозможнымъ.

Опять возстаетъ на Бога чувственный разумъ, который однако не устрашился, еще въ первомъ Адамѣ, искать равенства съ Богомъ, и потому палъ до такой степени, что даже не можетъ постигнуть: до чего простирается человѣколюбіе Создате-

ля!—«Что такое Слово Божіе? вопрошаетъ онъ; какой можетъ быть Сынъ у небеснаго Отца»?—ибо грубость человѣческой природы вноситъ и человѣческіе помыслы въ созерцанія духовныя. Но что́ даетъ намъ возможность, возвыситься надъ безсловесною природою животныхъ, если не разумное слово, разительною чертою насъ отъ нихъ отличающее, которое полагаетъ на насъ отпечатокъ подобія божественнаго?—Если же слово человѣческое служитъ для насъ подобіемъ Божества, то можетъ ли быть лишено самое Божество, сего первообразнаго Слова, которое творчески открыло его міру? ибо міръ созданъ Словомъ Божіимъ: но Оно столько же выше нашего человѣческаго слова, сколько самое Божество превосходитъ человѣчество. Существованію сего Божія Слова въ Богѣ, мы необходимо должны увѣровать, если только взглянемъ на самихъ себя; постигнуть же таинственныя отношенія Слова Божія къ Богу, мы не можемъ, по немощи нашей, ибо не въ силахъ постигнуть и собственной нашей природы; а потому должны при-

нять съ вѣрою то, что сіе Божественное Слово благоволило намъ о себѣ открыть, возвѣщая Духомъ Святымъ, о своемъ предвѣчномъ рожденіи отъ Бога, Отца всяческихъ. Мысль объ Отцѣ необходимо произраждаетъ и мысль о Сынѣ, и мы вѣруемъ въ Сына Божія, который благоволилъ намъ себя обнаружить, въ болѣе доступномъ для насъ образѣ, сына человѣческаго.

До какой степени однако можетъ ослѣпляться разумъ человѣческій, если еще онъ страждетъ подъ бременемъ паденія Адамова и чуждъ обновленія Христова! — То, что составляетъ лучшее преимущество рода человѣческаго и обнаруживается единственно въ вѣрѣ Христіанской, служитъ ему камнемъ преткновенія. — Одни мы Христіане называемъ Бога Вседержителя, сладостнымъ именемъ Отца нашего: ибо мы одни вѣруемъ, что онъ соизволилъ Сыну своему единородному, сдѣлаться сыномъ человѣческимъ, и, чрезъ его земное съ нами братство, возвелъ насъ въ небесное достоинство чадъ Божіихъ, наслѣдниковъ вѣчнаго

царствія Господа нашего Іисуса Христа. Какъ утѣшительны такія родственныя узы твари съ Творцемъ! — онѣ основаны, не на какомъ либо духовномъ возношеніи ума и сердца, отъ земли къ небу, (ибо никакое наше созерцаніе не можетъ исполнить бездны, ихъ раздѣляющей), но на дѣйствительномъ снисхожденіи самаго Творца къ своей твари, въ образъ коей Онъ облекся, чтобы совершенно ее себѣ усвоить и себя ей. Если уму, не просвѣщенному вѣрою, страннымъ можетъ казаться такое снисхожденіе: то еще болѣе странно и даже недостойно Божества было бы оставленіе Богомъ своего созданія, въ состояніи упадка и отчужденія, когда Онъ самъ внушилъ человѣкамъ — пламенное желаніе ближе познать Его и съ нимъ соединиться.

Пусть каждый безпристрастный Магометанинъ положитъ руку на сердце и скажетъ: такъ ли онъ близокъ къ Богу, чрезъ посредство проповѣди своего пророка, какъ близокъ къ небесному Отцу своему каждый Христіанинъ, чрезъ Христа? ибо Христосъ, будучи Богомъ, облекся для насъ

плотію, и чрезъ свое доступное для всѣхъ человѣчество, приблизилъ насъ къ недоступному иначе Божеству. Такое средство сближенія, не есть ли крайнее выраженіе любви Божіей къ человѣкамъ, вполнѣ достойное Бога, который, по слову Апостольскому: «самъ есть любовь!» (1 Іоан. IV. 16.) — А для того, чтобы не на однихъ только современниковъ, вочеловѣченія Христова, простиралась благодатная сила его воплощенія, — Онъ сообщается каждому изъ насъ, чрезъ пріобщеніе божественныхъ его тѣла и крови. Но прежде, мы должны въ Него увѣровать сердцемъ, и креститься не только во имя Его, но и во имя небеснаго Отца, его къ намъ ниспославшаго, и во имя Духа Святаго, чрезъ наитіе коего Онъ вочеловѣчился и котораго самъ ниспослалъ на землю, дабы обиталъ въ человѣкахъ, искупленныхъ его кровію. — Таково высокое значеніе двухъ основныхъ таинствъ Христіанства, крещенія и причащенія, соединяющихъ человѣка съ Богомъ.

Омовенія внѣшнія, ежедневно повторяе-

мыя у Магометанъ, только для чистоты внѣшней, не заключаютъ въ себѣ никакого внутренняго духовнаго значенія, ибо они не возраждаютъ къ вѣчной жизни, какъ у Христіанъ единственное, не повторяемое таинство крещенія, омывающее насъ отъ первороднаго, наслѣдственнаго грѣха Адамова. Равномѣрно и обрѣзаніе крайней плоти, служившее знаменіемъ Ветхаго Завѣта у Евреевъ, до явленія Новаго обѣтованнаго Завѣта въ лицѣ Мессіи, утратило свое духовное значеніе у Магометанъ, ибо они не ожидаютъ никакого Мессіи. Оно даже не служитъ имъ и нравственнымъ знаменіемъ обрѣзанія плотскихъ страстей, ибо нигдѣ, какъ у нихъ, не открыто болѣе обширнаго для нихъ поля. Въ чемъ же состоитъ видимый залогъ ихъ общенія съ Богомъ? ибо однѣ молитвы, которыя обрѣтаются у всѣхъ народовъ, даже языческихъ, неудовлетворительны; онѣ суть только возношеніе души нашей къ Богу, болѣе или менѣе чистое, смотря по степени образованія духовнаго, но это не есть печать божественнаго его общенія съ ними. Одни только таинства, то есть

видимые знаки невидимой благодати Божіей, которыя потому собственно и носятъ названія таинствъ, запечатлѣваютъ союзъ нашъ съ Богомъ, чрезъ пострадавшаго за насъ Богочеловѣка: и потому вѣра Христіанская такъ твердо исповѣдуетъ, что безъ нихъ не можетъ быть спасенія человѣкамъ.

Но я слышу, что у Магометанъ есть еще одинъ обрядъ, совершаемый ими, по окончаніи единственнаго поста ихъ Рамазана, на праздникъ Байрама, который у нихъ какъ бы замѣняетъ нашу Пасху. — Это есть торжественное принесеніе въ жертву избраннаго овна или ягненка, главою каждаго семейства, и я напрасно ищу таинственнаго смысла сего жертвоприношенія; вижу только послѣдовательность преданія, перешедшаго отъ отцевъ, но уже утратившаго духовную силу, вмѣстѣ съ духовнымъ значеніемъ. — Авраамъ и Исмаилъ, родоначальники племени Арабскаго, приносили жертвы, и Моисей установилъ законный ихъ порядокъ для народа Израильскаго; но что же предзнаменовали сіи жертвы? —

ибо по словамъ Апостола Павла, которыя я уже привелъ однажды; «невозможно, чтобы кровь тельчая или козляя уничтожила грѣхи, и жертвами сими, каждогодно приносимыми, дѣлается только воспоминаніе грѣховъ». (Евр. X. 3. 4) У насъ Христіанъ есть сему разрѣшеніе, а также и самыхъ грѣховъ, о коихъ воспоминали жертвы, и потому упразднено такое воспоминаніе. «Христосъ, продолжаетъ тотъ же Апостолъ, однажды принесъ себя въ жертву и навсегда сдѣлалъ совершенными освящаемыхъ». (Евр. X. 13.). Такимъ образомъ ветхій законъ Моисеевъ, имѣвшій только тѣнь будущихъ благъ, а не самый образъ вещей, восполненъ сею спасительною и единственною жертвою и предзнаменованія ея уже сдѣлались излишними.

Но Магометъ, не постигнувъ своевременнаго совершенія сихъ таинственныхъ образовъ, удержалъ ихъ въ своемъ законѣ, и доселѣ проливается у него кровь безсловесныхъ животныхъ, вмѣсто безкровнаго приношенія умилостивительной жертвы, въ

воспоминаніе той, которая примирила Бога съ человѣками. Родоначальникъ его Авраамъ, видѣвшій, по словамъ Евангелія, день Христовъ, (Іоанн. VIII. 46) провидѣлъ духомъ и сію искупительную жертву, когда, ради послушанія, хотѣлъ принести Богу во всесожженіе возлюбленнаго сына своего Исаака, который былъ образомъ Сына Божія за насъ пострадавшаго, и тогда обѣщано ему было: «что въ сѣмени его, т. е. въ Томъ кто имѣлъ произойти отъ его рода, благословятся всѣ племена земныя.» (Бытія XXII. 18.) Сказаніе о вольной жертвѣ Авраамовой находится и въ Коранѣ, (XXXVII. 99 — 107.) хотя не объясненъ настоящій таинственный ея смыслъ. Когда же исполнилось предсказанное благословеніе надъ вселенной, въ лицѣ Господа Іисуса Христа, искупившаго кровію своею міръ: то Магометъ, жившій шестьсотъ лѣтъ послѣ сего благодатнаго событія, не уразумѣлъ тайны, которую за двѣ тысячи лѣтъ созерцалъ уже его праотецъ Авраамъ. Столь зорко око духовное, предвидящее за тысящелѣтія, и столь слѣпо чувственное, не

замѣчающее и того, что уже предъ нимъ совершилось!

И какой великой тайны, или вѣрнѣе сказать, какого единственнаго, необходимаго блага, лишилъ Магометъ, по своему невѣдѣнію, увѣровавшихъ словамъ его, паче нежели Христовымъ?—искупленія, т. е. освобожденія отъ вѣчной духовной смерти, насъ ожидающей за грѣхъ Адамовъ и предзнаменованной намъ тѣлесною временною смертію! — Страшно и подумать о такомъ лишеніи, тѣмъ болѣе, что оно произвольно и уже ничѣмъ не можетъ вознаградиться: это не какой либо посторонній догматъ, не имѣющій вліянія на судьбу нашу, но самый существенный, на коемъ основано все наше спасеніе, и въ которомъ горько убѣждаетъ обуревающее насъ чувство нашей грѣховности, взывающее о помощи свыше. И какая несообразность!— мы видимъ въ Коранѣ, что Магометъ исповѣдуетъ паденіе Адама въ раю, и слѣдственно всего рода человѣческаго въ первомъ человѣкѣ, который предалъ себя добровольно искушенію діавола; а между тѣмъ

нѣтъ въ Коранѣ никакого спасительнаго средства, для возстановленія падшаго человѣчества, которое предоставлено собственнымъ силамъ своимъ, уже въ состояніи паденія, безъ благодати Божіей. Мы видимъ опять жертвы ветхозавѣтныя, продолжающіяся въ новомъ ученіи законодателя Арабскаго, и уже не постигаемъ ихъ значенія: потому что онѣ не приводятъ насъ къ единственной искупительной жертвѣ, однажды за насъ принесенной, и мимо Голгоѳы не имѣютъ никакой цѣли! — Какими слезами оплакать такое заблужденіе, ведущее къ погибели душъ?

Крестъ Христовъ, который есть лучшая его на землѣ похвала и не напрасно вѣнчаетъ чело царствующихъ и верхи нашихъ храмовъ, сей дивный крестъ кажется безчестіемъ для Магомета: ибо онъ не умѣлъ постигнуть всей его спасительной славы, и не напрасно говоритъ Апостолъ: «что слово о крестѣ для погибающихъ есть безуміе, а для насъ спасаемыхъ сила Божія» (I. Кор. 1.18.). Не есть ли это дѣйствительно знаменіе силы Божіей, въ немо-

щи совершающейся, по словамъ того же Апостола, когда безчестное орудіе казни послужило къ спасенію вселенной и возвело опять человѣковъ въ утраченное ими достоинство дѣтей Божіихъ? Что по истиннѣ славнѣе и достойнѣе Божества? — то ли, какъ предполагаетъ Магометъ, (Корана гл. IV.) что обольщенные Евреи ошибкою распяли неизвѣстнаго, но похожаго на Христа человѣка, и потому невинно за него пострадавшаго, когда самъ Христосъ, уклонясь чрезъ сіе подобіе отъ смерти, взятъ былъ на небо? — или то, какъ благовѣствуетъ намъ Евангеліе, что онъ былъ дѣйствительно распятъ, но волею а не вопреки своей воли, ибо самъ о себѣ говорилъ: «власть имѣю положить душу мою и власть имѣю опять воспріять ее», (Іоан. X. 18) что и доказалъ на дѣлѣ своимъ воскресеніемъ; когда же еще не пришло время вольнаго его заколенія и однажды хотѣли побить его камнями Евреи, за исповѣданіе его Божества, онъ прошелъ невредимымъ сквозь ихъ толпу. (Іоан. VIII. 57) Еще ли мало сего для славы Распятаго, что въ самый часъ

своей смерти снисшелъ онъ, въ силѣ своего Божества во адъ, чтобы извести оттолѣ души вѣровавшихъ въ него праотцевъ, и трнднев ный воскресъ изъ гроба?—Тогда только, по совершеніи на землѣ своего небеснаго посольства, а не для избѣжанія смерти, какъ учитъ Коранъ, Онъ взятъ былъ на небо и, сокрушивъ смертію своею жало смерти, вознесся со славою къ Богу Отцу, дабы ниспослать намъ Духа Святаго, и паки пріидетъ, уже со славою, судить міръ.

Не отвергаетъ сего послѣдняго страшнаго явленія и Магометъ, когда послѣ своего вымысла, о мнимомъ избѣжаніи Господомъ славы креста, присовокупляетъ: «не будетъ ни одного человѣка между вѣрующими въ Писанія (такъ называетъ онъ собственно Евреевъ и Христіанъ), кто бы не увѣровалъ въ Него прежде своей смерти; въ день же воскресенія Іисусъ будетъ свидѣтельствовать противъ нихъ.» (Корана IV. 157) Дѣйствительно, по словамъ древнихъ Пророковъ, приведеннымъ и въ Евангеліи: «распявшіе Господа воззрятъ на Того, котораго они пронзили». (Іоан. XIX. 37) Но тѣ,

которые увлекшись другою крайностію, неразумно почли распятіе сіе недостойнымъ Божества и отвергли искупленіе, вмѣсто того, чтобы освятиться кровію и водою, истекшими въ часъ распятія, изъ прободеннаго ребра Господа нашего и Спаса, — не дадутъ ли также страшнаго отвѣта Богу, за свое ожесточеніе?—Что скажутъ и они, въ день суда, когда увидятъ на небѣ сіе знаменіе Сына человѣческаго, крестъ его, предъ коимъ, по словамъ самаго распятаго Господа: «восплачутся вся колѣна земная», (Мат. XXIV. 30) но которымъ они соблазнялись на землѣ, отвергая всѣ спасительныя увѣщанія?

«Страшно впасть въ руки Бога живаго! говоритъ Апостолъ, и если отвергавшійся закона Моисеева, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, безъ милосердія былъ побиваемъ камнями: то сколь жесточайшему осужденію, думаете, повинен будетъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія, не почитаетъ за святыню кровь завѣта, которою онъ освященъ, и ругается надъ Духомъ благодати?—Мнѣ отмщеніе, я воздамъ, глаголетъ Господь, Гос-

подь будетъ судить народъ свой!» (Евр. X. 28—31). И что же мы видимъ? — Безумно восклицали Евреи, предавая на смерть своего Мессію: «кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!» (Мат. XXVII. 25) и дѣйствительно кровь сія тяжко легла на нихъ: еще при жизни тѣхъ, которые распяли Господа славы, сотренъ былъ съ лица земли преступный ихъ городъ и весь народъ разсѣянъ былъ по лицу земли, во исполненіе давняго пророчества Моисеева, за то что не послушали того истиннаго Пророка, котораго воздвигнулъ имъ Богъ. (Дѣян. III. 22). Но не также ли страшно отвергать искупительную кровь сію, пролитую за весь міръ, которая одна только можетъ омыть насъ отъ первороднаго грѣха нашего праотца Адама и избавить насъ отъ вѣчной смерти, смертію пострадавшаго за насъ Сына Божія? и какъ отвергать, когда Онъ милосердно простираетъ къ намъ отверстыя объятія, съ высоты спасительнаго креста своего, и непрестанно взываетъ къ намъ: «пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я упокою васъ; возьмите

иго мое на себя и научитеся отъ меня, что я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ, ибо мое иго благо и бремя мое легко». (Мат. XI. 27. 29. 30).

Вотъ, другъ мой, что мнѣ хотѣлось сказать тебѣ, отъ избытка сердца, дабы ты въ свою чреду могъ передать это тѣмъ изъ послѣдователей Корана, которые не съ пытливымъ духомъ, но съ истиннымъ желаніемъ познать истину, къ тебѣ обратятся. Господь же Іисусъ Христосъ, «желающій всѣмъ человѣкамъ спастися и въ разумъ истины пріити», (1 Тимоѳ. II. 4.) лучше нашего слабаго человѣческаго слова; можетъ прояснить ихъ сердцу то, что необходимо для ихъ спасенія.

Петербургъ
20 Марта.
1848.

ПИСЬМО VI.

Не для тебя, и не къ тебѣ было писано письмо сіе, любезный другъ, потому что оно предшествовало моей поѣздкѣ въ Грузію, гдѣ мы сошлись съ тобою. — Нѣтъ, я писалъ его другому давнему моему знакомцу, изъ числа образованныхъ и благонамѣренныхъ Магометанъ; но я присоединяю оное къ тѣмъ, которыя написалъ тебѣ, потому что нахожу полезнымъ, послѣ предварительныхъ свѣдѣній, мною изло-

женныхъ на вопросы Христіанина, о вѣрѣ Магометовой, высказать мысль мою, хотя вкратцѣ, и послѣдователю Корана, какъ бы нѣкое братское увѣщаніе, ради его спасенія. — Здѣсь, въ маломъ очеркѣ, представится ему то, о чемъ пространнѣе я говорилъ съ тобою, и быть можетъ прямое слово будетъ еще дѣйствительнѣе косвеннаго, если только принято будетъ прямою душею и въ простотѣ сердца. И такъ обращаю къ тебѣ это безъ-имянное письмо, и прошу принять его столь же благосклонно какъ и предъидущія; — оно проникнуто тѣмъ же духомъ любви къ братіи нашей, (если еще не во Христѣ, то, доколѣ сіе не сбудется,) въ общемъ родоначальникѣ нашемъ Адамѣ, коего образъ принялъ на себя Господь нашъ Іисусъ Христосъ, для спасенія всѣхъ человѣковъ.

«Отвѣчаю тебѣ, любезный К**, на твое поздравленіе съ нашими Свѣтлыми праздниками, которое мнѣ пріятно было получить и отъ Магометанина. Но моя духовная радость смутилась тѣмъ, что я про-

челъ на концѣ твоего письма, о нещастной опытности, тобою пріобрѣтенной отъ обращенія съ невѣжественными людьми: «будто бы все равно быть Христіаниномъ или Магометаниномъ, лишь бы только быть честнымъ человѣкомъ». — Какъ тяжело такое необдуманное слово, и какъ видно, что ты еще вовсе не понимаешь, что̀ такое вѣра Христова? хотя читалъ наши книги: а я бы желалъ чтобы вѣра, сколько сіе возможно, была доступна твоему разуму. Можно ли въ одно и тоже время распинать Христа и вѣровать въ него? — нѣтъ: ибо это было бы то же, что насмѣшка Іудеевъ надъ Христомъ, которые преклоняли предъ нимъ колѣна, плевали на него, били и восклицали ему: «радуйся Царю Іудейскій!» (Марка XV) слѣдственно нельзя въ одно время быть Евреемъ и Христіаниномъ! — Спрошу опять: можно ли признавать въ одно и то же время, Христа, Сына Божія, засвидѣтельствованнаго Пророками, отъ начала міра, и Апостолами съ Мучениками до нашихъ временъ, — и Магомета, который, взявъ на себя названіе Утѣшителя, будто бы

въ лицѣ его обѣщаннаго Іисусомъ Христомъ своимъ ученикамъ, гналъ Христіанство въ самой его колыбели, на Востокѣ, гдѣ оно процвѣтало уже шесть вѣковъ? — И такъ, если онъ не сказалъ о себѣ истины, хотя въ одномъ, можно ли ему вѣрить въ прочемъ? — Что же касается до нѣкоторой нравственности его Корана: то не забудь, что онъ почерпнулъ ее, равно какъ и сказанія Ветхаго и Новаго Завѣта, передѣланныя имъ по своему разумѣнію, изъ нашихъ Священныхъ книгъ и изъ устнаго преданія Христіанъ и Евреевъ. Скажу тебѣ больше; и Христу не должно бы вѣрить, не смотря на высокую нравственность его Божественнаго Евангелія, когда бы онъ сказалъ о себѣ хотя одно слово не истинное; ибо если бы человѣкъ, изъ какихъ либо видовъ, могъ назвать себя Сыномъ Божіимъ, не будучи имъ, то не было ли бы это крайнею степенью святотатства, за которое правильно бы желали побить его камнями Евреи, (Іоан. XI. 33) и какъ могли бы послѣ сего вѣрить его проповѣди?

Ты видишь, что тутъ нѣтъ средины: или Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій и Богъ, равный своему небесному Отцу, или мы должны съ ужасомъ бѣжать отъ него, какъ отъ человѣка, хотѣвшаго обольстить насъ! — Но вѣра Христова не страшится такого сомнѣнія, ибо кто понимаетъ: что́ есть Сынъ Божій? тотъ вѣруетъ ему; а невѣріе проистекаетъ большею частію отъ невѣдѣнія. — Испытай: скажи самому умному Черкесу, или нашему крестьянину, что земля ходитъ около солнца, а солнце стоитъ; — онъ засмѣется тебѣ въ глаза и скажетъ: «въ чемъ же ты хочешь меня увѣрить? развѣ ты не видишь, собственными твоими глазами, какъ передъ тобою встаетъ и садится солнце, и не чувствуешь, что подъ тобою не движется земля?» — Что будешь ты отвѣчать такому мудрецу, который кажется будто бы руководствуется опытомъ? какъ будешь ты доказывать ему, расчетами астрономическими, что напротивъ того солнце стоитъ, а земля около него ходитъ? — Его невѣжество укрѣпится самонадѣянностію и преданіемъ

предковъ, и онъ останется при своемъ мнѣніи, смѣясь надъ тобою. — Не то же ли бываетъ, другъ мой, и съ несвѣдущими въ вѣрѣ, которые не хотятъ вникнуть въ ея догматы?

Ты видишь однако, что тоже солнце испускаетъ на землю лучи свои, проникающіе свѣтомъ и теплотою всю землю, и въ тоже время не отдѣляющіеся отъ свѣтила, изъ коего истекаютъ: почему же не хочешь ты вѣрить божественному рожденію Сына Божія, изъ лона Предвѣчнаго Отца своего, съ коимъ пребываетъ неразлучно? — Когда ты говоришь, ты чувствуешь, что слово твое, исходя изъ устъ твоихъ, выражаетъ тайную мысль твою и есть вѣрный ея образъ, и словомъ своимъ человѣческимъ ты творишь многое. Почему же не хочешь ты вѣрить: что Божественное Слово, таинственно исходящее отъ Бога невидимаго, есть вѣрный Образъ его, творческая сила, создавшая вселенную и открывшая намъ небеснаго Отца? — Ты вѣришь, по свидѣтельству Корана, (III. 40) что Іисусъ Христосъ родился, наитіемъ Духа Божія, отъ Маріи Дѣ-

вы, и признаешь такое рожденіе, которое по законамъ человѣческимъ кажется невозможнымъ? — Отчего же, спрошу опять, не вѣруешь ты въ Господа Іисуса, какъ въ Сына Божія, снизшедшаго на землю спасти насъ? — Или хочешь испытать и изслѣдывать существо и природу Божію, и тайну его Тройческаго бытія, когда ты самъ, бренный человѣкъ, не понимаешь собственной своей природы и не разумѣешь, что такое душа твоя? — однако ты ее въ себѣ чувствуешь и въ ней отразился также тройственный образъ твоего Создателя; ибо и въ ней есть: начало всему *умъ*, и выражающее его *слово*, и все исполняющая *воля*, хотя нельзя сравнить существа нашего съ Божіимъ.

О, пойми же Господа Іисуса Христа, любезный другъ, и ты будешь непремѣнно ему вѣровать! Ты говоришь мнѣ: что я долженъ простить тебѣ твою вину, потому что Пасха есть день всемірнаго прощенія; но на чемъ же основаны слова твои? — Если Христосъ только праведникъ, то правда одного человѣка не спасаетъ дру-

гихъ и страданія его не искупаютъ отъ грѣховъ. Одинъ Творецъ, создавшій человѣка, могъ пересоздать его, сдѣлавшись самъ человѣкомъ, такъ что мы всѣ, падшіе въ праотцѣ нашемъ Адамѣ, возстаемъ чрезъ новаго Адама, т. е. Іисуса Христа. Адамъ хотѣлъ быть Богомъ и палъ; Богъ сдѣлался для насъ человѣкомъ и мы возстали: вотъ вся краткая система Христіанства. — Но для сего надобно быть въ самомъ близкомъ общеніи со Христомъ; надобно быть его тѣломъ духовнымъ, такъ какъ мы наслѣдовали тѣло грѣха и тлѣнія отъ Адама; для сего надобно возродиться вторымъ рожденіемъ во Христа, чрезъ очистительное крещеніе; — иначе мы не будемъ его дѣтьми и наслѣдниками; надобно питаться его духовною пищею, чтобы быть живыми, — иначе мы умремъ опять. Не можетъ человѣкъ, сынъ ветхаго Адама, оставаться безъ вещественной пищи; не можетъ и сынъ новаго Адама жить безъ Божественной пищи, ему дарованной свыше самимъ Христомъ: и какая пища? — Онъ дѣлаетъ насъ причастниками собствен-

ныхъ тѣла и крови, чтобы питаясь ими, мы точно дѣлались ближайшими членами его тѣла, такъ что онъ сообщаетъ каждому изъ насъ причастіе своей силы и жизни, чрезъ сію пищу, и дѣлаетъ наслѣдниками вѣчной жизни, которой мы лишились чрезъ Адама. Теперь временная смерть сдѣлалась для насъ только переходомъ къ вѣчной жизни, а до Христа и внѣ Христа, который есть единственная истина и жизнь, сія временная смерть была началомъ вѣчной смерти, ибо мы истлѣвали во грѣхѣ.

И такъ, пойми теперь силу словъ Христовыхъ: «никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ меня?» (Іоан. XIV. 6). — «Кто повѣритъ и окрестится спасенъ будетъ, а если кто не повѣритъ, осужденъ будетъ!» (Марка XVI. 16). — «Ядущій мою плоть и піющій мою кровь пребываетъ во мнѣ и я въ немъ» (Іоан. VI. 56). — «Если не вкусите плоти Сына человѣческаго и не піете крови его, не будете имѣть въ себѣ жизни» (Іоан. VI 53). — «Посему, всѣ да чтутъ Сына, какъ чтутъ

Отца, а если кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ и Отца, его пославшаго; (Іоан. V. 23) и невѣрующій Сыну не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій пребудетъ на немъ» (Іоан. III. 36). «Ибо свѣтъ пришелъ въ міръ, но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ злы». (Іоан. III. 19).

Вотъ тебѣ, любезный другъ, краткое изложеніе Христіанства, сколько можно вмѣстить оное въ тѣсный объемъ письма. Теперь скажу тебѣ еще нѣсколько словъ и о тебѣ самомъ. Ты полагаешь, что достаточно для нашего спасенія одной добродѣтели. — Изъ всего сказаннаго прежде ты уже могъ видѣть, какъ это мнѣніе ошибочно: ибо добродѣтель служитъ только первою ступенью къ спасенію, а спасти можетъ только вѣра во Христа, яко Бога, имѣющаго власть спасать. У тебя есть книга Новаго Завѣта; прочти тамъ, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, главу X. о Римскомъ сотникѣ Корниліѣ, который былъ столь милостивъ къ нищимъ и ревностенъ къ молитвѣ, что даже Ангелъ ему явился отъ

Бога. Но что велѣлъ ему Ангелъ?— призвать къ себѣ Апостола Петра и исполнить, что онъ повелитъ; а что велѣлъ Апостолъ? — «креститься»! ибо нѣтъ другаго спасенія. И такъ добродѣтель обращаетъ вниманіе Божіе къ человѣку; но горе тому, кто заслуживъ оное, не радитъ о своемъ спасеніи, особенно когда имѣетъ столько средствъ и людей, открывающихъ ему истину и зовущихъ его ко Христу. Ничто не можетъ оправдать предъ Богомъ такого нерадѣнія, гдѣ возлюбили тьму болѣе свѣта. Умерщій во тьмѣ, въ ней и пребудетъ вѣчно, ибо пока могъ еще идти дѣятельно къ свѣту на землѣ, не хотѣлъ идти, и самъ предпочелъ мракъ свѣту истины. Преступленіе будетъ произвольное и потому наказаніе праведно.

Скажу тебѣ извѣстіе, для тебя пріятное: можетъ быть мы увидимся нынѣшнею осенью, потому что я имѣю намѣреніе провести зиму въ Грузіи, а въ Ставрополь и на воды думаю пріѣхать въ половинѣ Сентября. И такъ постарайся увидѣться со мною,

или по сю сторону Кавказа, или по ту; но, до того времени поспѣши отвѣчать мнѣ. Прости; обнимаю тебя мысленно и желаю тебѣ спасенія свыше всего».

С. Петербургъ
22 Апрѣля
1846.

ПИСЬМО VII.

Не знаю, любезный другъ, останешься ли ты доволенъ тѣмъ, что, въ краткихъ словахъ, старался я отвѣчать тебѣ, на твои вопросы о Магометанствѣ. По крайней мѣрѣ ты здѣсь увидишь, въ чемъ состоитъ различіе между истинною вѣрою во Христа и вѣрованіемъ въ пророка, который самъ себя назвалъ симъ именемъ, но ничѣмъ не засвидѣтельствовалъ своего небеснаго посольства: ибо собственнаго увѣренія недостаточно.

Если бы я могъ предвидѣть всѣ возраженія, которыя вѣроятно возникнутъ со

стороны послѣдователей Корана, я конечно постарался бы дать и на нихъ, по мѣрѣ возможности, удовлетворительные отвѣты. Но мнѣ кажется, возраженія ихъ относились бы только къ нѣкоторымъ частностямъ, или къ какимъ либо народнымъ преданіямъ, большею частію искаженнымъ, на которыя нѣтъ особенной нужды отвѣчать, потому что они не составляютъ сущности ихъ вѣры, такъ какъ все необходимое заключается въ Коранѣ; а я уже коснулся тѣхъ основныхъ догматовъ, на коихъ стоитъ зданіе ихъ вѣры.

Для желающихъ познать истину, особенно изъ числа образованныхъ и благонамѣренныхъ, сказано достаточно, чтобы они могли видѣть собственными глазами: какія невѣрныя свидѣтельства приводятся въ Коранѣ, и какое огромное разстояніе нравственное между ученіемъ и догматами обоихъ исповѣданій. Распространяться о томъ, можетъ быть, было бы для нихъ и утомительно. Для нежелающихъ же приблизиться къ свѣту истины и предпочитающихъ коснѣть во мракѣ, потому толь-

но что родились въ ономъ и отцы ихъ такъ вѣровали,—никакое слово убѣжденія человѣческаго не можетъ быть удовлетворительно. Хорошо бы однако напомнить имъ, если они такъ твердо держатся преданія отеческаго и почитаютъ безчестіемъ измѣнить ему: что однако сами отцы ихъ однажды нарушили сію вѣрность; ибо кромѣ тѣхъ, которые обратились изъ язычества къ Магометанству, большая часть совратились изъ Христіанства, такъ какъ религія Христова предшествовала шестью столѣтіями Магометовой, и всѣ тѣ предѣлы, гдѣ теперь наипаче господствуетъ ученіе Корана, особенно процвѣтали Христіанствомъ; остатки многочисленныхъ церквей, въ горахъ Кавказскихъ, ясно о томъ свидѣтельствуютъ.

И такъ, если чувство нравственное говоритъ намъ, что должно исправлять свои погрѣшности, и если не хорошо, по мнѣнію нѣкоторыхъ, измѣнять вѣрѣ отцевъ: то возвращеніе къ прежнему ихъ вѣрованію, если оно было Христіанское, есть скорѣе дѣло чести, нежели безчестія, какъ

исправленіе давней погрѣшности, тяготѣвшей на цѣломъ поколѣніи. Мнѣ же, вопросъ сей представляется еще съ другой точки зрѣнія. — Во всѣхъ нашихъ житейскихъ дѣлахъ мы стараемся подвигаться впередъ, и наше умственное образованіе далеко превзошло образованіе отцевъ нашихъ. Почему же хотимъ мы только оставаться равнодушными къ просвѣщенію духовному, если оно встрѣчаетъ насъ на жизненномъ пути, вмѣстѣ съ образованіемъ свѣтскимъ? —Впрочемъ, вопросъ этотъ не можетъ относиться прямо къ намъ Христіанамъ, потому что свѣтъ истины Божественной озарилъ насъ прежде всякой науки и, какъ истекающій отъ горняго начала, руководилъ насъ, сквозь сумракъ варварскихъ временъ, къ тому образованію, какимъ пользуемся нынѣ. Однако мы видимъ и у насъ различіе между людьми, посвятившими себя изученію высокихъ истинъ Христіанства, и людьми, которые просто держатся ученія вѣры, не вникая въ его глубокія истины; конечно и здѣсь, просвѣщеніе духовное,

соединенное съ чистою вѣрою, которая не страшится просвѣщенія, имѣетъ то преимущество, что можетъ принести много плодовъ не только для себя, но и для другихъ.

Почему же Магометане, столь охотно заимствующіе у насъ образованіе свѣтское, не хотятъ идти далѣе и останавливаются на этой первой, низшей ступени, не давая себѣ отчета въ томъ, что отъ насъ пріобрѣли?—Если же бы захотѣли они вникнуть въ истинное начало сего лестнаго для нихъ просвѣщенія: то увидѣли бы, что и ему основаніемъ послужила вѣра Христова, образовавшая сперва сердце, а потомъ умъ человѣка, безъ чего не можетъ существовать истиннаго просвѣщенія, не только духовнаго, но даже и житейскаго. Если сія благочестивая жажда возникнетъ въ сердцѣ нѣкоторыхъ изъ послѣдователей Корана, при чтеніи сихъ писемъ, обличающихъ его ученіе:—пусть обратятся, для дальнѣйшаго изученія истинъ Христіанства, къ святой Церкви, которая наставитъ ихъ чрезъ избранныхъ своихъ проповѣдниковъ; ибо

цѣлію моею было только пробудить въ нихъ это чувство, дремлющее иногда, подъ бременемъ равнодушія или разсѣянности, но внушенное самимъ Богомъ каждому для своего спасенія. Если бы, изъ всего многочисленнаго сонма Магометанъ, хотя одинъ подвигся на сей братскій зовъ и открылъ бы глаза свои къ свѣту Христову,—вполнѣ бы вознаградился трудъ мой, предпринятый для всѣхъ, съ искреннею къ нимъ любовію. По истинѣ великая была бы радость, не только на землѣ между Христіанами, о пріобрѣтеніи новаго брата, но и на небѣ, между Ангелами Божіими, (Луки XV. 10.) о спасеніи еще одной души, для которой пролилъ также драгоцѣнную кровь свою общій Искупитель всего міра, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, лишь бы только душа сія въ него увѣровала и вступила въ спасительное съ нимъ общеніе!

Москва,
Великая Суббота
10 Апрѣля.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Письмо первое.	1
— второе	11
— третье	60
— четвертое	81
— пятое	117
— шестое	142
— седьмое	154

YC158594